

## □ Мировой кризис 28: рождение Домината – корпорация Иврим

□ Это заметка об обстоятельствах рождения из этноса земледельцев и скотоводов того народа, который мы сейчас знаем как евреев, о причинах обретения им фундаментальных конкурентных экономических преимуществ, которые привели к рождению в его лице второй ветви Домината. Тем самым мы закроем тему «рождение Домината».

Появлению первого из двух столпов Домината – морских Больших Капиталов – была посвящена заметка [Мировой кризис 24: рождение Домината – Финикия](#). В следующей публикации [Мировой кризис 25: рождение Домината – Вавилон](#) мы рассмотрели в подробностях Вавилонское царство, в интерьере которого протекает действие данной заметки.

Из публикации вы узнаете об уникальных форматах вавилонского рабства и столь же уникальных качествах пленённой диаспоры, в итоге обусловивших её трансформацию во вторую ветвь Домината. Познакомьтесь с диалектикой отношений Иудаизма с язычеством и феноменальной попыткой Ассирии создать первую, причём сразу открытую версию монотеизма, предшествовавшую иудейской. Также мы отыщем главное условие, необходимое для рождения монотеизма, и «вычислим» точное время, когда это случилось, после чего вкратце обсудим разночтения в оценках времени написания Торы. Также подробно рассмотрим ключевую роль монотеизма в зарождении второй ветви Домината и дадим характеристику особенностям Иудаизма, прямо вытекавшим из данного его предназначения.

Начнём от печки – с вавилонского пленения иудеев. Знакомясь с начальной фазой плена, следует обратить внимание на два фактора, ставшие спусковым крючком последующих событий – интернирование в Вавилон готовых структур управления и качество пленённого материала.

### Первое вавилонское пленение

Вскоре после полной аннигиляции в 609 до н.э. Ассирии Египет и Вавилон вступили в схватку за Заречье. Всем мелким царствам Леванта пришлось делать свою личную ставку на сюзерена. Иудея поставила на близкий ей Древний Египет. Её ставка оказалась ошибочной, но именно она стала причиной рассматриваемых здесь процессов, в частности, привела к рождению монотеизма.

Один из последних иудейских царей Иехония вступил на престол в разгар антивавилонского восстания в декабре 598 до н.э. А уже через три месяца Иерусалим пал, после чего иудеи были массово угнаны в плен. Так в 597 до н.э. начался знаменитый "Вавилонский плен" иудейского народа.

Общее число пленников достигло 10 тысяч человек, не считая угнанных вместе с ними домочадцев. То был цвет иудейского народа, его имущие и наиболее социально-активные слои. Но часть иудейского гражданства осталась на родине. Навуходоносор сохранил автономию Иудеи и назначил её царем Седекию, дядю Иехонии. Он наложил на иудеев дань и взял с Седекии клятву хранить верность Вавилону и не вступать в сношения с Египтом.

Земли и прочее имущество угнанных в плен иудеев перешли в руки "бедного народа земли", оставшегося в Иудее. Пленники, находясь в Вавилонии, долго не могли примириться с этим. Они считали только себя истинным Израилем, а законным царём только Иехонию, томившегося в вавилонской темнице. К оставшимся на родине иудеям они относились с презрением, именуя их "очень плохими смоквами", а себя называли "очень хорошими смоквами", [Пол Кривачек «Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации»](#).

В Вавилонию помимо Иехонии с семьёй и свитой, были угнаны придворные, жреческое сословие и пророки, столичная администрация и знать, называемые в изгнании «старейшинами Израиля» и «старейшинами Иехуды», тысячи войска, плотников и кузнецов. Среди отправленных в Вавилонию был и пророк Иезекииль, который стал первым пророком диаспоры – духовным вождём изгнанников. Царь Иехония томился в заточении 37 лет, после чего был освобождён и

получил почётное положение при дворе. Скончался он в Вавилоне.

## Второе вавилонское пленение

Последовавшие демонстрации Египтом своей военной и морской мощи поощряли царства Заречья к восстанию. Формально к нему в качестве союзников присоединились Иудея, Тир, Сидон, Моав, Аммон и Эдом. Но восстание по сигналу из Египта в 589 до н.э. подняла только Иудея.

И опять в схватке за Заречье победу одержал Вавилон, теперь окончательную. Многие жители Иудеи нашли тогда спасение в Египте. Летом 587 до н.э. армия Навуходоносора II осадила Иерусалим, а в июле 586 до н.э. Иерусалим, истрадавший от голода и эпидемий, пал и был разрушен.

Крошечное вассальное государство Иудея после неразумного восстания было, наконец, полностью включено во владения Вавилона. Иерусалимский храм разрушили, царя Седекию ослепили, его наследников казнили, весь правящий класс отправили в изгнание в столицу империи, и в результате популистской земельной реформы их владения широким жестом были отданы простым людям, [Пол Кривачек «Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации»](#).

Вавилонский полководец и начальник телохранителей Навузардан сжёг не только храм Соломона, но и разрушил город. В Иерусалиме и Иудее осталась только беднота: «Только несколько из бедного народа оставил работниками в виноградниках и землепашцами», [IV книга Царств 25:12](#).

## Приобретение с высоким потенциалом

В результате Вавилонское царство пополнили несколько десятков тысяч иудеев, и не просто иудеев. То были сливки Иудейского царства – его административная и жреческая элита совместно с самой образованной и рукодельной частью социума, экономически и социально наиболее активной.

Место, занимаемое индивидом в социальной иерархии, в последнюю очередь определяется стечением обстоятельств. В высокой мере оно отражает энергетический и коммуникационный потенциал личности, её таланты, образование, навыки, умение держать цель. Поэтому удельный личностный потенциал пленённой массы следует охарактеризовать как чрезвычайно высокий. И состояние рабства не стало помехой его реализации, поскольку в Вавилоне эпохи столпотворения сложились уникальные для того условия. Прежде всего, это уже была капиталистическая экономика.

## Вавилон и капитализм

К моменту покорения Иудеи Вавилонское царство, наследовавшее шумерскую цивилизацию, стало тем местом на земле, где капитализм достиг чрезвычайно высокого уровня развития:

«В шумерской общественной системе вся земля принадлежала местному богу и ею управляли жрецы, а в частной собственности могли находиться лишь предметы быта, рабы и жилые дома. Это был в некотором смысле теократический коммунизм.

Но уже к 1800 до н.э., как известно из многочисленных аккадских документов, посвящённых торговым сделкам, покупке недвижимости, административным делам и продаже земли, доминирующим фактором в экономике стал частный капитал.

Таким образом, на смену шумерской модели религиозного коммунизма пришли торговля и коммерция, ставшие столпами Вавилонской империи. Капитализм, впервые появившийся на исторической сцене, не слишком отличался от современной его формы», [Веллард Джеймс, Вавилон. Расцвет и гибель города Чудес, глава 9](#).

Сопоставив дату 1800 до н.э. 1) с выбором аморейским племенем яхрурум в начале второго тысячелетия до н.э. заштатного города Вавилон своей столицей, 2) с началом отсчёта с 1900 до н.э. истории Старовавилонского царства амореев и возвышением Вавилона, можно сказать, что Вавилон и капитализм родились одновременно. Подробная характеристика античного вавилонского капитализма приведена в прошлой заметке [Мировой кризис 25: рождение Домината – Вавилон](#).

## Лояльность Вавилона к пленникам

Важнейшей характерной особенностью вавилонского этноса был высокий уровень терпимости к инородцам:

Из вавилонских юридических и экономических документов V века до н. э. следует, что различные национальные меньшинства, поселённые в районе Ниппура, были организованы по географическо-этническому принципу, и потому сохранили свое автономное существование и национальное самосознание. Таким образом, в отличие от ассирийцев, политика вавилонян, по крайней мере, в районе Ниппура, не преследовала цели [принудительной] ассимиляции поселенцев среди местного населения. Неудивительно поэтому, что вернувшиеся из изгнания знали свое еврейское происхождение и были способны доказать его, [электронная еврейская энциклопедия](#).

Мягкие условия плена, этническая терпимость, уникальный потенциал интернированных, всё вместе это привело к сохранению в условиях плена иудейского мета-голема и его реинкарнации в новое качество – в «мета-голем в изгнании», который в отличие от обычного административного мета-голема не был привязан к ландшафту.

## Реинкарнация иудейского мета-голема в Вавилоне

Вместе со знатью, ремесленниками, воинами в Вавилон практически в полном составе был интернирован иудейский мета-голем – администрация Иудейского царства и теократическая элита культа Яхве. Выше упоминалось, что определённая часть интернированных в Вавилон меньшинств проживала компактно, и евреи тому не исключением. А в любой компактной общине с неизбежностью воссоздаются административные структуры управления. Еврейским общинам и воссоздавать ничего не надо было, поскольку иудейский мета-голем переместили в Вавилонию плоскопараллельным переносом.

В плену мета-голем был вынужден заняться решением задачи своего выживания в совершенно новых для него условиях и обстоятельствах, что было весьма нетривиальной задачей.

## Необходимость монотеизма

В условиях оторванности от ландшафта, который сформировал мета-голема и служил основанием его власти, резко возросла значимость культа Яхве и иудейского жречества. Это там, в Иудее, власть суверена порождалась самой территорией и очерчивалась её границами: во-первых, неповторимый ландшафт воспроизводил уникальные традиции и этническую идентичность, что способствовало единению, во-вторых, территория сама по себе порождала лояльность к верховной власти, как к инструменту, обеспечивавшему её связность и защиту.

Это там, в землях своего царства, суверен мог позволить себе и подданным многобожие. Тогда как в условиях плена единственным основанием власти безземельного суверена и единственным инструментом воспроизводства идентичности и средством объединения могла служить только единая общая вера. Следовательно, многобожие отменялось сразу и категорически. В отсутствие объединяющего группу ландшафта оно приводило к мгновенной её дезинтеграции, далее к ассимиляции традиций и идентичности, как следствие, к исчезновению базы для единения подданных, затем и самих подданных. Поэтому в Вавилоне альтернатив культу Яхве не было, и быть не могло.

## Борьба за выживание

В Вавилоне иудейский мета-голем и жречество в плену дополнили друг друга в борьбе за выживание.

Без царства мета-голем лишился безусловного притока ресурсов: не имея возможности исполнять свои классические функции по консолидации территории, а это организация её защиты, поддержание порядка, обеспечение связности единой зоны разделения труда, он лишился формальных оснований для взимания налогов. Однако их сохранили служители культа – право взыскивать пожертвования Богу. Но без административного «напоминания» жреческие налоги, как и все прочие, имеют тенденцию превращаться в тонкий ручеёк добровольных подношений. Так и случилось с северно-израильскими евреями в ассирийском плену: С древних времён само собой разумелось, что, когда народ оказывался побеждённым, его боги тоже были побеждены. И когда народ изгонялся и терял чувство национальной принадлежности, его боги умирали

тоже. Это и случилось с израильтянами, которых выслав Саргон двумя столетиями раньше, [Айзек Азимов, «Ближний Восток. История десяти тысячелетий»](#). Без поддержки административного мета-голема, способного требовать, выносить приговоры и приводить их в исполнение, Боги хиреют и умирают – их замещают те культы, которые в милости у местного мета-голема. В Ассирии процесс закончился растворением идентичности интернированных евреев.

В Вавилоне поддержка мета-големом жречества обеспечила взыскание с общины ресурсов, позволивших им совместно выжить на начальном этапе плена. Немаловажно, что в Вавилонии под рукой у иудейского мета-голема оказался и силовой инструмент: из тысяч интернированных воинов несложно было выбрать ядро, готовое обеспечить взыскания и привести в исполнение любой приговор. Такого рода инструмент способствовал единению иудейской общины не слабее слова божеского.

## Квартет опор иудейской власти

Реинкарнированный «мета-голем в изгнании» возглавил дом Давида – попавшая в Вавилон с первой волной пленения семья царя Иехонии. Впоследствии его потомки были во главе тех, кто с разрешения персидского царя Кира вернулся в 538 до н.э. на родину:

Одним из лидеров изгнанников, вернувшихся на родину, был Зрубавел, внук Иехонии, активно содействовавший возобновлению строительства Храма. Его титул «правитель Иудеи» показывает, что Кир и его преемники в начальные годы существования персидской державы принимали во внимание статус дома Давида и, назначив Зрубавела наместником Иудеи, надеялись найти в доме Давида опору своей власти в Иудее, [электронная еврейская энциклопедия](#).

Наряду с домом Давида ещё тремя опорами власти в изгнании стали старейшины, жречество и пророки.

Роль старейшин – патриархальных и племенных вождей, уменьшившаяся в Иудее, где в руках монархии была полноценная административная вертикаль, в изгнании вновь возросла. Старейшины заполнили образовавшийся вакуум власти, отправляя локальную исполнительную власть, что было вполне естественным.

Но верховное жречество и пророки безоговорочно поддерживали исключительно власть дома Давида, понимая, что в противном случае старейшины разорвут общину в клочья, а с нею канет в небытие и культ Яхве.

## Доказательство незаменимости

В Вавилоне иудейская диаспора с ходу воссоздала экстерриториальную «государственность» благодаря интернированию в Вавилон готовых социальных структур. Принципиальная новизна здесь в том, что до той поры любой административный мета-голем был необходимым атрибутом государства на геофизическом ландшафте. Поэтому «мета-голем в изгнании» стал абсолютным эволюционным новшеством.

Меж тем, любое эволюционное новоприобретение приживается в том и только в том случае, если оказывается энергетически эффективным. Это означает, что дополнительный поток ресурсов от его внедрения должен превышать их расход на его содержание. Правило касается в том числе и новоприобретений социальных организмов. Именно так в своё время зарождались административные мета-големы, а с ними и государственность: усложнение административных структур, сопровождавшееся расширением территорий под их управлением, приживалось в том и только в том случае, если благодаря этому рост интегральной генерации социумом ресурсов превышал затраты на администрирование.

Пожертвования начального этапа на содержание «мета-голема в изгнании» быстро превращалось в невосполнимую трату диаспорой ресурсов. Поначалу мета-голем снимал стресс от процесса адаптации к новому окружению и условиям, воспроизводя в недрах общины подобие Иудеи. Но по мере привыкания данная его функция утрачивала актуальность. Дальнейшее сохранение статус-кво означало бы смещение энергоэффективности «мета-голема в изгнании» в область отрицательных значений, что было гарантией его неизбежной постепенной аннигиляции.

Сдать «экзамен» на энергоэффективность ему помог ряд факторов, прежде всего, уникальные и сложные форматы рабства

и качественный состав диаспоры.

Начнём с того, что упомянутая выше лояльность и терпимость Вавилона к инородцам диктовалась экономической необходимостью. Уровень развития капитализма, достигнутый Вавилоном, не мог не сказаться на коммерциализации рабства, следовательно, на положении рабов и отношении к ним. С уникальными форматами и особенностями рабства эпохи столпотворения мы познакомимся ниже в реконструкции В.А. Белявского, обратив внимание на предоставляемые возможности обретения экономической и социальной свободы. Ведь угнанные иудейские пленники изначально пребывали в Вавилоне на положении рабов, из которого должны были выбираться, а значит, должны были существовать тому возможности.

## Характер эксплуатации рабов в Новом Вавилоне

Главную массу общественных рабов составляли храмовые рабы. Среди храмовых рабов основную роль играли так называемые "ширку" – "посвящённые", подаренные богу. Они, как и царские рабы, рекрутировались преимущественно из вавилонских пленников – иудеев, аскалонцев, киликийцев, лидийцев, египтян, арабов и пр.

Вторую основную категорию вавилонских рабов составляли рабы, принадлежавшие частным лицам. Об их численности нет даже приблизительных данных. Можно лишь утверждать, что каждая мало-мальски состоятельная семья имела рабов. Не иметь рабов считалось признаком бедности. У богачей из числа олигархов и царских вельмож рабы исчислялись тысячами. У мелких рабовладельцев рабы находились на положении младших членов семьи и работали вместе со своими господами. При этом рабы, принадлежавшие частным лицам, в целом, находились в лучшем положении по сравнению с храмовыми и царскими рабами.

В Новом Вавилоне зверская эксплуатация рабов на износ вышла из моды. Раб – имущество, которое стоило денег, и его всегда можно было продать за деньги. Цены зависели от возраста, профессии, личных качеств, условий продажи, колебаний стоимости живого товара. Но раба надо было не только купить, но ещё и понести расходы на создание производства.

Различные способы поднять рентабельность труда рабов получили широкое распространение только в эпоху столпотворения. Одним из них была отдача рабов внаём. Обычно наниматель не только платил господину за раба "дань", но и брал на себя обеспечение его пищей, одеждой и жильём. Выгоднее было отдавать внаём квалифицированных рабов. Поэтому рабовладельцы часто отдавали рабов в обучение ремёслам.

И рабовладелец, и наниматель получали определённый выигрыш. В такой схеме рабовладелец тратился только на покупку раба и не нес затрат на его содержание и организацию труда. Без дальнейших затрат он получал прибыль в виде платы, обычно около 20% годовых от стоимости раба в год. За пять лет раб полностью окупал себя, и в дальнейшем господин получал чистый доход, а наниматель получал возможность начать производство с меньшим наличным капиталом, не тратясь на покупку раба, [Белявский В.А., «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», глава 8.](#)

## Оброчное рабство и вольноотпущенники

Отдача рабов внаём подсказала рабовладельцам следующий шаг: рабов стали отдавать внаём самим себе – плату за «аренду» раба отдавал хозяину сам раб. Так появилось оброчное рабство – наиболее распространенная форма эксплуатации рабов состоятельными рабовладельцами в эпоху столпотворения. Оброчными рабами были рабы-ремесленники, рабы-земледельцы и садоводы, арендовавшие землю у своих господ или у других лиц, содержатели трактиров, рабы-дельцы и т. д. Оброчному рабу часто открывалось широкое поле деятельности. Господин предоставлял ему пекулий – имущество, передаваемое господином в распоряжение раба, а с него получал аренду за имущество и определенную долю доходов.

При оброчной форме эксплуатации раб переставал быть "говорящим орудием", что в корне меняло его отношение к труду. Оставаясь юридически рабом, он уже не был таковым в экономическом смысле. Этот факт явочным порядком признало и вавилонское право: раб становился юридическим лицом, вступал в договорные отношения с разными лицами, включая

собственного господина. А господин, отпуская раба на оброк, не только экономил на основном и оборотном капитале, но и получал прибыль много выше той, которую приносил отдаваемый внаём раб.

Оброчное рабство служило ступенькой к следующей форме эксплуатации рабов, которая стала высшей в античном мире – к вольноотпущенничеству. Мотивы отпуска рабов на волю были разные, но преобладали экономические. На волю отпускались преимущественно богатые рабы, платившие за себя господину гораздо больший выкуп, чем та цена, за которую их купили. Кроме того, вольноотпущенник часто обязывался содержать бывшего господина или выплачивать ему определённые суммы. За нарушение этих обязательств господин мог вернуть его в рабство.

Оброчные рабы и вольноотпущенники вместе с привилегированными храмовыми и царскими рабами составляли верхушку класса рабов. Многих из них с очень большими оговорками можно назвать эксплуатируемыми. Они сами эксплуатировали не только рабов, но и граждан и были богаче очень многих из них.

Основная масса рабов жила, конечно, вовсе не так. Рабовладельцы отнюдь не отличались гуманностью. В обществе, где господствовал золотой телец, не оставалось места для сентиментальности. Но этот же идол заставлял господ избегать ненужной жестокости в отношении рабов, [Белявский В.А., «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», глава 8.](#)

## Использование евреями возможностей Вавилонского плена

Закончив с описанием форматов рабства, перейдём к характеристике предоставленных пленом возможностей.

Поскольку Вавилон мыслил исключительно экономическими категориями, то рабов, естественно, старались использовать так, чтобы они приносили максимальную прибыль. Несомненно, что высокое качество человеческого материала диаспоры, уровень квалификации, образования и социальной активности позволили евреям моментально занять высокое место в иерархии вавилонских рабов, а в последующем и в вавилонском социуме в целом. Причиной тому крайний экономический либерализм Вавилона – прямое следствие жадности наживы.

В итоге спектр экономических возможностей, предоставленных Вавилоном рабам-евреям, особенно оброчным и вольноотпущенникам, оказался чрезвычайно широк:

Понятие «плен» применительно к жизни евреев в Вавилоне достаточно условно. Практически никаких ограничений на занятия теми или иными видами деятельности «пленники» не имели. Им было разрешено выехать на новое место жительства со всем своим имуществом, слугами и рабами. Наконец, «пленники» могли свободно передвигаться по всем просторам Вавилонского царства для осуществления своего бизнеса. Это привело к тому, что еврейские общины стали появляться в разных географических точках ещё при вавилонском царе, [Валентин Катасонов, Иерусалимский храм как финансовый центр.](#)

Ниже краткая характеристика возможностей плена в представлении самих евреев. А начнём с того, что воспользуемся известным произведением Исаака Ю?довича Азимова.

### Восторженные оценки вавилонского плена

Правление Навуходоносора было самым замечательным периодом в жизни еврейского народа, фактически поворотным пунктом его истории. На первый взгляд может показаться, что гибель независимости, монархии, Иерусалима, Храма должны означать полный и абсолютный конец еврейской истории. Однако евреи выжили.

Отчасти это было результатом космополитической атмосферы Вавилонии и её религиозной терпимости. Евреев в ссылке не угнетали. Они могли покупать землю, заниматься деловыми операциями, даже богатеть. В самом деле, когда со временем некоторые из них готовились к возвращению в Иерусалим, те, кто оставался, были достаточно богаты, чтобы существенно им помочь: «И все соседи вспомоществовали им серебряными сосудами, золотом, имуществом, скотом и дорогими вещами...», Ездра 1:6.

Евреи в полной мере сохранили религиозную свободу. Не было сделано никаких попыток заставить их поклоняться Мардуку.

Разумеется, в библейской книге пророка Даниила имеются рассказы о преследовании самого Даниила и трёх других евреев – Седраха, Мисаха и Авденаго – Навуходоносором, который бросал их в огненные печи и львиные рвы, но это выдумки. Книга Даниила была написана спустя четыре столетия после Вавилонского пленения, в период, когда евреев преследовал эллинистический царь Антиох IV. Книга Даниила, рассказывая о прежних преследованиях, имела целью укрепить дух евреев для сопротивления Антиоху.

Именно из-за книги Даниила Вавилон стали рассматривать как воплощение жестоких гонений со стороны язычников. В позднейшие столетия имя Вавилона подменяло Рим, и он рисовался как клоака, самое вместилище греха, как, например, в Откровении Иоанна Богослова. Из-за различных библейских ассоциаций мы до сих пор склонны считать Вавилон особенно порочным городом, и это совершенно несправедливо, ибо был он не более порочным, чем любой большой город.

В самом деле, с евреями в Вавилоне обращались так хорошо, что нет никаких признаков, что они причиняли какие-либо неприятности властям. В течение периода изгнания главным еврейским пророком был Иезекииль, и он выглядит вполне патриотически настроенным вавилонянином. Он яростно поносит всех врагов Навуходоносора, предсказывая разрушение Тира и Египта, хотя этого не произошло, и никогда не предсказывая зла самому Вавилону. Даже в разрушении Иерусалима он обвиняет не Навуходоносора II, а скорее злые деяния самих евреев, [Айзек Азимов, «Ближний Восток. История десяти тысячелетий»](#).

А вот пример фактической оценки того периода в истории иудеев и левитов более официальными еврейскими источниками:

Падение Иерусалима стало поворотным пунктом еврейской экономической истории. Изгнанники создали новый центр в районе Ниппура – второго по величине города Вавилонии. Еврейские поселенцы быстро интегрировались в окружающие экономические структуры. В особенности в Вавилонии евреи вступили в процессы развитого торгового обмена. В архивах торгового дома Мураши идентифицированы не менее 70 еврейских имен, среди них были и землевладельцы, которые вели операции в крупных масштабах с представителями этого дома. Многие евреи, особенно в Вавилонии, нажили значительные состояния и поддерживали тесные политические и деловые контакты с правящими кругами страны, [электронная еврейская энциклопедия, история еврейского народа](#).

Развитию дальнейших представлений об эволюции диаспоры поможет краткая реконструкция использования евреями возможностей плена.

## Реконструкция использования евреями возможностей плена

Реконструкцию откроем со жречества, предварив её ещё одной характеристикой вавилонского социума времён столпотворения:

Вавилонское общество с невиданной силой охватил дух стяжательства, тяга к паразитическому существованию и политический индифферентизм. Богатые граждане старались откупиться от основных гражданских обязанностей, нанять заместителя или заплатить деньги. Даже службу в храмах владельцы пребенд перекладывали на плечи наёмников и рабов, [В.А. Белявский, «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», глава 10](#).

Несомненно, что у иудейского жречества, искушенного в отправлении культа, имелись все возможности подменить нерадивых граждан в храмах, тем самым занять множество доходных позиций в храмовых администрациях. Также это открывало ему прямой доступ к своим нанимателям – местной храмовой олигархии. А храмы Вавилонии были сказочно богаты – в них поступали многочисленные дары и пожертвования, существенная доля военной добычи и дани с покорённых стран. И даже малая толика этого богатства, перепадавшая столь ответственным исполнителям, была далеко не мизерным кушем.

Какие ещё экономические возможности открыл Вавилон иудейским пленникам? Учитывая состав пленённых, значимая их часть была в состоянии с высоким качеством исполнять функции управляющих. Мифологическое повествование в Книге Бытия об Иосифе, совершившем карьеру от раба до управляющего царством самого фараона Египта, отражает профессиональные чаяния евреев.

Из экономически-активных иудеев получались прекрасные торговцы, трактирщики, рабы-дельцы и пр. Рукодельное сословие было первым кандидатом на оброчное рабство в качестве ремесленников. Открытый диаспоре через жрецов доступ к храмовой олигархии позволял евреям-ремесленникам специализироваться в том числе в высокодоходных ремеслах – ювелирном деле и изготовлении предметов роскоши. Качество человеческого материала и наличие образования позволяло оказывать и другие квалифицированные услуги – делопроизводство, обучение, возможно, лечение, и пр. Пророки же, судя по пиру царя Валтасара, открыли диаспоре доступ к высшей элите Вавилона, вплоть до первого лица.

Главное здесь не в перечне доступной евреям профессиональной специализации. Самое важное, что социально и экономически активная диаспора была в ряду первых кандидатов сначала на оброчное рабство, затем на вольноотпущенничество. Тому причиной экономическая целесообразность использования в таком качестве рабов, социальный и экономический потенциал которых в большинстве своём существенно превосходила таковой у их господ. С образованием и навыками, доставшимися от Иудеи, при отсутствии начального капитала они более всего подходили для специализации в перечисленных выше свободных профессиях.

Попадание в категорию деятельной элиты вавилонских рабов открывало перед евреями широкие возможности накапливать состояния. Напомним приведённую выше в реконструкции В.А. Белявского характеристику:

Оброчные рабы и вольноотпущенники вместе с привилегированными храмовыми и царскими рабами составляли верхушку класса рабов. Многих из них с очень большими оговорками можно назвать эксплуатируемыми. Они сами эксплуатировали не только рабов, но и граждан и были богаче очень многих из них.

Переходя в категорию оброчных рабов и вольноотпущенников, иудеи становились экономическими независимыми субъектами. А прямой доступ диаспоры к высшей элите и олигархии Вавилона мог существенно облегчить и ускорить процесс обретения социальной свободы.

С обретением экономической и социальной свободы у иудеев появлялась возможность свободно передвигаться по территории царства, создавая локальные диаспоры, а также самим эксплуатировать рабский труд. Нароботав капитал, они могли становиться в том числе землевладельцами. Но гораздо целесообразнее была другая специализация.

## Наиболее доходная специализация диаспоры

Вавилонский капитализм, как мы его разобрали в заметке [Мировой кризис 25: рождение Домината – Вавилон](#), имел ярко выраженную торгово-ростовщическую составляющую. Поэтому после прохождения этапа первоначального накопления капитала перед евреями открывалась возможность реализовать себя в торговле и ростовщичестве – занятиях существенно более устойчивых и выгодных, чем земледелие. Поясним.

В условиях вавилонской античности, как мы выяснили в той же заметке, средние и мелкие земельные хозяйства регулярно сталкивались с дефицитом платёжеспособного спроса, что толкало их в когтистые лапы ростовщиков. Наступавшая, в конце концов, неспособность погасить долг заканчивалась их реализацией на рынке – поглощением одной из олигархических акул, процветавших за счёт доступа к административному спросу. Естественно, в цепочке «жертва-акула» более целесообразным и практичным было присутствие не в роли потенциальной жертвы, а в качестве ростовщика, получавшего свои бонусы в процессе приготовления жертвы к акульей трапезе. Поэтому не землевладение, а ростовщичество ещё в Вавилонском плену выдвинулись в категорию основной, наряду с торговлей, специализации диаспоры.



Естественно, что в периоды античных кризисов платёжеспособности, сталкиваясь с дефицитом инвестиционных ниш, евреи диаспоры обращали внимание, в том числе, и на землевладение, обычно посредством аренды земли. Но также несомненно, что именно в период плена они освоили ростовщичество, как наиболее высокодоходный бизнес:

Американская экспедиция нашла в городе Ниппуре часть архива своеобразной банковской фирмы «Мурашу и сыновья». Сто пятьдесят документов, записанных клинописью на глиняных табличках, отражают широкие международные связи этой иудейской семьи. Мы находим там контракты на аренду земли, каналов, садов и баранов, сделки по купле и продаже, договоры о займах, расписки в получении залога за арестованных должников, Опарин А. А., «В царстве пигмеев и канибалов».

Со временем данная специализация превратилась в ключевую. Так, например, судя по историческим документам 80% евреев в Руссийоне, южная Франция, в 1270 году были ростовщиками, [ссылка](#).

## Сообщество людей свободных профессий

Следствием спектра открытых возможностей и экономического либерализма стало формирование в диаспоре финансово доминирующего ядра из людей свободных профессий. Именно там, в Вавилоне, они почувствовали вкус и прелесть не в обработке ландшафта, а в социальных операциях, наиболее рентабельными из которых оказались извлечение ссудного процента и торговля.

В выборе ими в плену своей функциональной специализации сработал всё тот же механизм энергетической оптимизации, всегда определяющий вектор изменений социальных структур. Именно он определил их дрейф в те профессии из всех доступных им, которые могли обеспечить наивысшую энергетическую отдачу в имевших место конкретных граничных условиях процесса. Вот полный перечень тех условий: мягкие условия плена, изначальная безземельность, широкий спектр возможностей, предоставленных либеральной вавилонской экономикой, качество человеческого материала диаспоры, и что ещё очень важно – изначальная готовность пленников, возвращённых в жёстких условиях Иудеи, довольствоваться малым в сравнении с вавилонянами.

В последующем перечень свободных профессий только расширялся: в будущем к нему добавились биржевые маклеры и прочие спекулянты, юристы, фармацевты, писатели, журналисты, актеры, художники, певцы, поэты и множество других. Определившись со специализацией, евреи диаспоры с той поры отчаянно конкурировали с представителями коренных этносов за доступ именно к свободным профессиям.

## Корпорация свободных профессий

Выбор специализации в свободных профессиях и обретение свободы стали очень важными, но не конечными приобретениями вавилонских иудеев. В этом месте на социальную арену вновь вышел выпавший на короткое время из нашего поля зрения «мета-голем в изгнании», который обеспечил превращение сообщества свободных профессий в корпорацию:

«Мета-голем в изгнании» стал управляющим центром сообщества людей свободных профессий, сплачиваемых на фундаменте теологически мотивированного изоляционизма, что превратило сообщество в закрытую извне корпорацию,

Жёсткие управляющие усилия не позволили рассыпаться потенциально аморфному сообществу свободных профессий на атомы. А форма корпорации обеспечила её экономическим агентам ряд ключевых конкурентных преимуществ.

Перечислим основные из них.

## Конкурентные преимущества корпорации свободных профессий

Первое преимущество – информационное обеспечение наиболее высокодоходных сфер деятельности, прежде всего, торговли и ростовщичества. Кто имел доступ к высшей элите? Пророки. Кто был вхож в храмовую олигархию – одну из трёх ветвей олигархии Вавилонского царства? Иудейские жрецы, подменявшие на службах владельцев пребенд, тяготившихся столь скучными повседневными обязанностями. Кто более других в курсе проблем богатых семей?

Приватные лекари, учителя, позже к ним добавились адвокаты и юристы. Кто более самих хозяев в курсе уязвимостей и коммерческих потребностей хозяйств? Управляющие. К кому стекались все городские сплетни? К парикмахерам и трактирщикам. Мета-голем, создавая и поддерживая теологически закрытую среду, тем самым создавал условия для замкнутой циркуляции ценной коммерческой информации, чемкратно повышал эффективность экономических субъектов диаспоры. Знание планов, уязвимостей, проблем других субъектов экономики, возможность помочь сильным мира сего в тонких и скользких ситуациях – основа коммерческого успеха.

Второе преимущество – естественная трансформация закрытой извне диаспоры в сетевую структуру. Тому были все предпосылки: «Переселённым купцам было запрещено только возвращаться в Иудею, но они свободно могли разъезжать и торговать по всему остальному огромному пространству великой державы. Они и делали это. Одни остались в Вавилоне, другие переселились в Ниневию, Экбатаны, Сузы и Египет», Никольский Н.М. Древний Израиль, М., Крафт плюс, 2004, стр. 111. При практикуемой в Вавилоне свободе перемещений экономических субъектов, в условиях информационной связности разбросанных в пространстве элементов диаспоры и одновременно их идеологической обособленности от окружения сетевая структура попросту не могла не возникнуть. А сетевая структура меж тем – идеальный инструмент для улавливания разниц ценовых потенциалов, дисбалансов спроса и предложения, минимизации сопротивления среды товарным и финансовым потокам. Данные преимущества обеспечивали перетекание товаров и денег меж узлами сети с минимальными издержками и их реализацию с максимальной маржей. Естественно, что наличие сетевой структуры тут же превратило торговлю во второй по высокодоходности после ростовщичества вид деятельности.

Третье конкурентное преимущество – купирование мета-големом внутренней конкуренции. Конкуренция – священная корова исключительно для романтиков капитализма – тех, кто вне корпоративного мышления. Тогда как всякий член корпорации знает, что «конкуренция – это грех». Правовые основания под отрицанием конкуренции подвела заповедь [Второзаконие 19:14](#): «Не нарушай межи ближнего твоего», – которая с лёгкостью транслируется на социальный ландшафт. Позже её облекли в более развёрнутые юридические формулировки в законодательстве еврейских общин.

Четвёртое – устойчивый успех в сфере ростовщичества, на два с половиной тысячелетия ставшего фундаментом иудейской предприимчивости, невозможен без структур, обеспечивающих эффективное взыскание с неплательщика долга, если потребуется – внесудебное. В том же Вавилоне «получить долг не всегда было простым делом. Кредитор не имел прав на личность должника. Он мог забрать только залог, но и это считалось неэтичным: ростовщичество в неприкрытом виде вызывало осуждение. Поэтому ростовщики часто прибегали к маскировке своих действий. Они давали ссуды под поручительство третьих лиц, и в случае неустойки залог забирали не кредиторы, а поручители, с которыми после этого и имели дело кредиторы», [«Вавилон легендарный и Вавилон исторический», глава 5](#). Корпорация имела возможность с лёгкостью подставлять надёжных поручителей, а в случае социальной ловкости должника привести самый убедительный из аргументов – меры прямого физического воздействия.

Пятое преимущество – защита. Системные занятия ростовщичеством и иными способами обогащения на человеческой беде и пороках имели следствием накопление в социуме агрессии в отношении тех, кто специализировался в этих видах деятельности, особенно учитывая, что они инородцы, к тому же намеренно и жёстко отделявшие себя от социума. Неизбежные вспышки агрессии принимало на себя рабочее тело диаспоры – многочисленные ремесленники, мелкие дельцы и служащие, выступавшие в качестве защитного щита для финансовой элиты корпорации.

Перечисленные здесь конкурентные преимущества корпорации можно продолжить и далее. Но здесь вполне уместна пасхальная благодарственная формула евреев: «Даже если бы Бог не сделал для нас ничего другого, но только это, одного этого нам было бы довольно», – дайейну. Преимущества, обеспечиваемые корпорацией, стали более чем достаточным эволюционным обоснованием энергоэффективности «мета-голема в изгнании», без чьего управляющего воздействия её формирование было бы невозможным. Вынужденно утратив свой ландшафтный функционал, он не потерялся и нашёл точку приложения своих усилий, обеспечившую диаспоре – ресурсное благополучие, ему объективную предпосылку к выживанию – энергоэффективность.

## Сетевая корпорация Иврим

Сообщество людей свободных профессий, трансформировавшееся благодаря интернированным структурам управления – административной и теологической – в закрытую сетевую корпорацию, будем в дальнейшем называть для краткости «корпорация Иврим».

Возникшая в глубинах древней экономики, она более чем на полтора тысячелетия опередила появление профессиональных корпораций в экономике Европы, протекавшее в основном в XI-XV веках. Появившись много позже, они в сравнении с корпорацией Иврим были аморфными и рыхлыми. Не выдерживает никакого сравнения и их сетевая структура, ежели они таковой обладали.

В дополнение ко всему корпорацию Иврим можно охарактеризовать как латентную: имеется в виду необычайно высокий уровень её закрытости, что приводило к отсутствию у этносов пребывания понимания её содержания, внутренней структуры и конкурентных преимуществ. Как следствие, было невозможно создание механизмов противостояния корпоративной солидарности евреев, что превращало всех остальных субъектов экономики в сравнении с ними в детей. В том числе и олигархические семьи, уровень закрытости, устойчивости и возможностей которых не шёл ни в какое сравнение с таковыми у корпорации Иврим.

Если административный «мета-голем в изгнании» стал управляющей структурой корпорации, то теократический мета-голем стал её законодательной структурой и источником ключевой социальной технологии, которая обеспечила идеологические основания трансформации в мировую корпорацию: 1) становление корпоративной идеологии, 2) замкнутость, 3) устав, 4) законодательство. Поэтому Иудаизм, о котором мы поговорим подробнее чуть ниже, следует рассматривать в качестве корпоративной религии эпохи становления капитализма.

## Спектр латентных возможностей корпорации Иврим

Вавилон, напомним, был Меккой Больших Капиталов, поэтому все его законы и исполнительное производство не могли не получить перекося в направлении максимально возможной их юридической неприкосновенности. В этих условиях у корпорации Иврим, самого крупного из субъектов экономики, консолидировавшего гигантский финансовый ресурс, были все возможности добиться фактического юридического иммунитета. И она, несомненно, его получила. Особенно учитывая, что царская власть, затравленная вавилонской олигархией и возбуждаемым против неё общественным мнением, была бессильна.

Все базовые социальные технологии корпорации были заложены ещё первой диаспорой Вавилона, после чего они с небольшими корректировками действовали в продолжение последующей её истории. Поэтому представление о содержании методов получения корпорацией Иврим фактического юридического иммунитета вполне можно составить по свидетельствам из России XIX века, на территории которой тогда проживала половина мирового еврейства. Вот наблюдения П.И. Пестеля, пламенного республиканца, в последующем декабриста, сделанные им в пору военной службы в западных губерниях:

Тесная между евреями связь даёт им средства большие суммы накапливать... для общих их потребностей, особенно для склонения разных начальств к лихоимству и всякого рода злоупотреблениям, для них, евреев, полезных. Прежнее правительство (Екатерины) даровало им много прав и преимуществ..., а сверх того они всеми теми же правами пользуются, как и прочие народы христианские. Ясным образом усмотреть можно, что евреи составляют в государстве, так сказать, своё особенное совсем отдельное государство и при том ныне в России пользуются б?льшими правами, нежели сами христиане, [А.И. Солженицын, «Двести лет вместе», ч.1.](#)

Другие свидетельства на ту же тему:

В 1824 Александр I, заметив при поездке по Уральскому хребту на горных заводах значительное число евреев, которые, занимаясь тайной закупкой драгоценных металлов, развращают тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков, повелел, чтобы «евреи отнюдь не были терпимы как на казённых, так и на частных заводах в горном ведомстве».

Сходно подрывала казну и контрабанда вдоль всей западной границы России, бестаможженный провоз товаров и продуктов в обе столицы и торговля ими. Губернаторы доносили, что контрабандой занимаются преимущественно евреи, как раз и заселяющие густо пограничную полосу. Были предприняты попытки выселить их оттуда, но мера не проводилась последовательно, [А.И. Солженицын, «Двести лет вместе», ч.1](#). Попытки пресечь контрабанду, зачистить приграничную полосу купировались явным, но более скрытым, что было более эффективно, сопротивлением со стороны корпорации. Большие Деньги корпорации включали ей режим фактического юридического иммунитета.

Основная проблема всех без исключения этносов была в том, что за обыденными и повседневными коммуникациями с разными уровнями еврейских общин никто не видел гигантского субъекта экономики – мировую корпорацию Иврим. Любая власть продолжала относиться к ним как к этносу, только со своими особенностями.

## О социогенезе и физике

Проведённая здесь реконструкция процесса возникновения корпорации Иврим опиралась не на привычные законы физики, а на принцип энергетической оптимизации новоприобретенных живых систем, наложенный на граничные условия процесса.

Прискорбно, но пока у нас в принципе отсутствует аппарат, позволяющий применить законы классической физики к эволюции сверхсложных физических систем. Вот и приходится при анализе эволюции активных систем использовать вместо них их интегральную форму – принцип энергетической оптимизации, рассматривающий энергетические балансы новоприобретенных живых структур. Его использование опирается на тотальную энергозависимость активных систем: им для обеспечения своей устойчивости и экспансии требуется непрерывный приток энергии, поэтому их эволюционная задача – постоянно улучшать свой энергетический баланс в рамках складывающихся граничных условий. Поэтому все новоприобретения, его ухудшающие, отменяются.

Следующим пунктом мы рассмотрим особые отношения евреев диаспоры с землёй, что привело к превращению корпорации Иврим в рафинированный социальный оператор.

## Особые отношения евреев с землёй

Начнём с того, что со стороны «мета-голема в изгнании» действовал фактический запрет на занятия земледелием, и тому была веская причина.

Люди свободных профессий менее всех зависимы от территории пребывания. Тогда как земледелие, не путать с землевладением, привязывает особь к принадлежащему ей клочку пашни, что невольно побуждает в ней лояльность к суверену, данную землю ему гарантирующему и защищающему. В земледельце невольно пробуждается дух отношений феодала – лояльность вассала к сюзерену. К тому же земледельцы – не социальные операторы, поэтому практически индифферентны к тем конкурентным преимуществам, которые готова им предоставить корпорация. Как следствие, они становились слабым звеном корпорации, наименее к ней лояльным, в итоге с высокой степенью вероятности превращались в вассалов сюзерена, отправлявшего власть на земле пребывания.

По этой причине в недрах диаспоры было сформировано сугубо негативное отношение к земледелию. Данный аспект народного еврейского духа рождён именно в Вавилоне, а не в Иудее, где евреи в основной своей массе были привязаны к земле. Еврей диаспоры, конечно, мог иметь отношения с землёй, но только в качестве землевладельца, рассматривавшего землю исключительно как актив для расширенного воспроизводства капитала, с которым при неблагоприятных условиях следует расстаться.

## Визуализация отношений евреев с землёй

В силу перечисленных выше обстоятельств отношения евреев с землёй явно не складывались. Множество еврейских авторов, в том числе Айзек Азимов и Пол Кривачек предъявляют претензию в этом коренным этносам, коварно ставившим евреям препоны в земледелии. Так, к примеру, в [Идишской цивилизации: становление и упадок забытой нации](#) Пол Кривачек верно замечает, что после V века из трёх социальных обязанностей земледельца – платить налоги королю, уплачивать десятину местному епископу и принимать участие в защите территории – вера и традиции запрещали евреям

делать второе и третье. Всё верно, вот только вера и традиции – личное дело гостевого этноса. При этом его нежелание даже в малейшей степени синхронизировать свой дух с землёй пребывания намеренное и лежит не в теологической, а в практической плоскости – вызвано нежеланием корпорации потворствовать специализации евреев в земледелии, которое чревато неприемлемым размыванием её социальных границ.

Постепенно отношение иудеев к земледелию сублимировалось до полного его неприятия. Мейлих Иосифович Гершензон, 1869-1925, русский, между прочим, мыслитель, историк культуры, публицист и переводчик, председатель Всероссийского союза писателей сформулировал его так: «Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек легче всего прирастает к месту».

Действие данной латентной настройки корпорации Иврим Россия ощутила на себе в полной мере. Случилось это в XIX веке, чему предшествовало расширение Империи на запад:

В 1772 в результате первого раздела Польши к России отошла Восточная Белоруссия с 60-тысячным еврейским населением. В 1793–1795, после второго и третьего разделов Польши, в состав России вошли Правобережная Украина, Центральная и Западная Белоруссия, Литва и Курляндия (область Латвии), где было сосредоточено около пятисот тысяч евреев. В 1801–1828 российскими подданными стали около сорока тысяч евреев Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана, Бессарабии, в 1815 – около трёхсот тысяч евреев Герцогства Варшавского. Кроме того в Россию переселялись евреи из Польши и Галиции, отошедшей после первого раздела Польши к Австрии. По приблизительной оценке, в 1772–1827 в Россию иммигрировали минимум несколько десятков тысяч евреев, большинство которых расселилось в Новороссии и Бессарабии, [электронная еврейская энциклопедия](#).

В результате экспансии на западных и южных рубежах России был образован еврейский пояс из почти миллиона влившихся в её состав евреев. Отношения меж евреями и русским этносом, во многих аспектах нелицеприятные, весьма откровенно изложены А.И. Солженицыным в первой книге двухтомника «Двести лет вместе». Начнём с того, что по признанию тех же евреев русское крестьянство изначально стало их кормовой базой:

Масса русского населения не смогла отстоять себя перед экономическим напором еврейской сплочённости: евреи стремятся вовсе не к слиянию с гражданами страны, а к получению всех гражданских прав при сохранении своей обособленности и спаянности, какой нет меж русскими. «Крестьяне неизбежно делаются жертвою евреев, будучи как бы обязаны отдавать часть своих средств на их содержание», Ю. Гессен, [А.И. Солженицын, «Двести лет вместе», т.1](#).

При этом сами евреи сильно страдали в голодные годы от чрезмерной скученности своего проживания. Надо было что-то предпринимать, и в конце XVIII века после сильного голода в Белоруссии сенатор и поэт Г.Р. Державин получил сенатское задание представить проект преобразований жизни евреев в Российском государстве. Он составил правительству свои предложения по привлечению евреев к земледелию и запросил мнение о них, в том числе, у кагалов. Те его изысканиям не обрадовались. Их отрицание было лаконичным: «евреи способности и привычки к хлебопашеству не имеют и в законе своём находят к тому препятствие», Юда Израилевич Гессен, «История еврейского народа в России», т.1.

Кагалы, что характерно, были правы. Стартовавшая в начале XIX века эпопея с попыткой посадить евреев на землю закончилась провалом:

Замысел был уже потому безнадежен, что земледелие – большое искусство, воспитываемое лишь в поколениях, а против желания или при безучастности на землю людей успешно не посадишь. Для евреев были отведены в Новороссии 30 тыс. десятин, которые потом десятилетиями неприкосновенно держались только для них. Однако «евреи далеко не спешили в земледельцы». Вся 80-летняя и мучительная эпопея еврейского земледелия в России представлена в объёмном кропотливом труде еврея В.Н. Никитина.

Для обучения евреев нанимали государственных крестьян. Но евреи предпочитали производить распашку «большею частью наймом русских». По неопытности ломали инструмент, а то и попросту продавали выделенные им земельные участки

орудия. Резали и продавали полученный скот и на это покупали хлеб. Волон своих отдавали напрокат, с ними нанимались в извоз. Не сажали огороды. Из-за отсутствия навыков не могли наняться в соседние селения. Без спроса исчезали на промыслы в близлежащие города. Наделённую землёю торговали, питались обманами крестьян. Скот, орудия и семена им покупали по несколько раз, всё снова и снова давали ссуды на прокорм. Расходы казны на поселенцев требовались вдвое и втрое намеченных, всё время испрашивались добавки. Поселенцы о «малейших своих неудовольствиях безотлагательно жаловались», «всегда увеличивали свои претензии». Однако, пишет Никитин, в той же самой степи, в те же самые годы, ту же самую целину и под той же саранчой осваивали и немецкие колонисты, и менониты, и болгары, – перебедрствовали те же неурожайные годы и те же болезни, но всегда были и с хлебом, и со скотом, жили в прекрасных домах со многими хозяйственными постройками, [А.И. Солженицын, «Двести лет вместе», т. 1.](#)

Последующие отчёты государственных инспекторов, составленные много позже, уже после 1840, примерно о том же:

Да в иных семействах где там до агрономии, если в сильный холод не выходят кормить скот. Донесения самых разных инспекторов и в эти годы сливаются в ту же одногласицу: «С первую благоприятную перемену обстоятельств они всегда бросали плуг, жертвовали хозяйством, чтобы вновь обратиться к барышничеству и другим любимым своим занятиям».

«В 1858 формально числилось еврейских колонистов 64 тыс. душ, т.е. 8-10 тыс. семей. А комиссии на местах, проверявшие, используется ли земля или лежит в небрежении, обнаружили в 1872 во всём Юго-Западном крае еврейских колонистов 800 семей. Меж тем Новороссийский край впитал уже много других деятельных переселенцев и перестал нуждаться в искусственной колонизации», «Еврейская энциклопедия».

В 1866 Александр II утвердил: действие особых постановлений о перечислении евреев в земледельцы остановить. Теперь осталось открыть им уход из земледельческого состояния, даже и раздробительно, не в полном составе семьи, переход в ремесленники и в купцы. «Разрешено было им выкупать свои земельные наделы, и они выкупали и перепродавали с большим барышом», В.Н. Никитин.

С 1874 для евреев-земледельцев отпали и рекрутские льготы, и ими окончательно был утерян последний интерес к земледелию. К 1881 «в колониях преобладали усадьбы из одного только жилого дома, вокруг которого не было и признаков оседлости, т.е. ни изгороди, ни помещений для скота, ни хозяйственных построек, ни грядок для овощей, или хотя бы одного дерева или куста; исключений же было весьма немного», В.Н. Никитин, [А.И. Солженицын, «Двести лет вместе», т. 1](#)

Таков был провальный итог попытки привязать евреев к земле, наглядно характеризующий отношение диаспоры к земледелию.

## Рафинированный социальный оператор

Любой этнос, прежде всего, оперирует на земле. Поэтому этнос является в первую очередь ландшафтным оператором, что, собственно, отражено в его определении: этнос – устойчивая общность, сформировавшаяся естественным образом на фундаменте оригинального стереотипа поведения, приспособительного к ландшафту и его геофизическим условиям... Меж тем, порвав с земледелием и специализируясь в свободных профессиях, интернированная в Вавилон иудейская диаспора покинула нишу ландшафтного оператора.

Совершенствуясь в навыках присвоения ресурсов инвариантных к геофизическому ландшафту, сетевая корпорация Иврим совершила подлинный прорыв. Независимость потока присваиваемых ею ресурсов от технологий их извлечения из ландшафта позволила ей с лёгкостью менять его, воспроизводя свои базовые навыки в любом социуме, оперирующем на любой благодатной территории. Корпорация, пройдя строгий отбор допустимых видов деятельности, стала экстерриториальной структурой, инвариантной к геофизическому ландшафту, сместившей акцент операций на ландшафт социальный. Тем самым она стала полноценным социальным оператором.

Справедливости ради, социальные операторы входят в качестве структурных элементов в состав любого этноса: к ним

относятся административный мета-голем, жреческое сословие, любой бизнес, и пр., и пр. и пр. Однако вся их деятельность, так или иначе, носила обеспечительный характер – они решали задачи обеспечения максимально эффективной привязки этноса к конкретному ландшафту в целях максимально возможного воспроизводства на нём ресурсов. В экономической сфере роль социальных операторов исполняли структуры, создаваемые отдельными олигархами, капиталистами, предпринимателями, максимум – их семьями. А соперничать им пришлось с оператором, созданным огромной консолидированной закрытой социальной группой, обладающим в силу её особенностей оглушительными конкурентными преимуществами – с корпорацией.

Поскольку пищевой базой корпорации Иврим стал не геофизический, а социальный ландшафт, то в случае деградации этноса, социальный оператор имел возможность покинуть его и выбрать новый социальный ландшафт. Порой этнос приходилось менять по причине агрессивного иммунного ответа с его стороны, который провоцировала токсичность деятельности корпорации.

Нельзя сказать, что корпорация Иврим стала уж вовсе независимой от геофизического ландшафта – она, как и все прочие этносы, сформирована из таких же, как и они, биологических особей, жизнь которых на всякой конкретной территории приходилось обустраивать. Поэтому эвакуацию не назвать лёгким и приятным путешествием, но за ней всегда следовало быстрое восстановление и развитие корпорацией своей традиционной операционной деятельности на новом социальном ландшафте.

Независимость от благополучия конкретного этноса оказалась крайне важной чертой для последующей устойчивой эволюции корпорации Иврим в качестве второй ветви Домината.

## Этос

Поскольку системообразующим фундаментом этноса является ландшафт, то евреев диаспоры, образующих структуры инвариантные к ландшафту, называть этносом неправильно. Каждая еврейская община формирует устойчивый социокультурный феномен, который правильнее обозначать более общим термином этос.

Этосом называют социальную группу, образ жизни которой определяется в первую очередь совокупностью её нравственных императивов, принятой иерархией ценностей, содержанием культуры. И ни слова о ландшафте.

Трансформировались иудеи из этноса в этос именно в Вавилоне: «Сами еврейские культура и традиции, как подробно описано в вавилонском Талмуде, сложились в Месопотамии», [Пол Кривачек «Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации»](#).

На этом мы в основном заканчиваем с административным мета-големом и переходим к мета-голему теологическому, сыгравшему не менее важную роль в формировании корпорации Иврим.

## Тора как базовая обеспечивающая технология

Выше уже упоминалось, что Иудаизм выступил в качестве ключевой социальной технологии, обеспечившей появление корпорации Иврим.

Первым делом Тора обеспечила консолидацию пленников в спаянный этос, в отсутствие ранее объединявшей их территории. В неё включили все необходимые для этого технологические элементы, и поныне с успехом используемые в целях проектного социального строительства: 1) миф о героической истории, 2) миф о вражеском окружении (в данном конкретном случае языческом), 3) миф об исключительности этноса, нации, группы. Помимо идеологического, имелось в наличии и материальное обеспечение процесса – интернированное иудейское жречество: «Общеизвестно, что национальная память [как и национальная идентичность] не может «сгуститься» без щедрой квалифицированной помощи «лицензированных напоминателей» [агентов памяти]», Шломо Занд, «Как и почему я перестал быть евреем».

Во-вторых, Тора стала конституцией «народа в изгнании» и одновременно уставом корпорации Иврим. В качестве первой в

истории конституции, она оказалась полной, продуманной и твёрдой, твёрже прочих конституций: Тора была канонизирована и в неё, несмотря на изменчивость окружения корпорации, было запрещено вносить малейшие правки. Но то не беда: как и всякая другая конституция, Тора стала фундаментом для гибкого внутреннего законодательства, развиваемого вначале в Устной Торе, впоследствии в Мишне, затем в Талмуде, естественно, с течением времени существенно усложнявшегося.

В-третьих, Тора обеспечила корпорации Иврим замкнутость и закрытость. Идеология избранности и изоляции препятствовала проникновению в корпорацию конкурентов, предотвращая их доступ к циркулировавшей внутри неё информации и активно создаваемым ею финансовым и товаропроводящим сетям, пресекала ассимиляцию диаспоры окружением: «И не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего», [Второзаконие 7:6,11,12](#).

В-четвёртых, Тора из поколения в поколение обеспечивала постоянное кадровое пополнение корпорации Иврим готовыми идеологически подкованными, преданными кадрами.

Пятое, Тора обеспечила дрейф иудеев в направлении свободных профессий, выступая инструментом теологической профориентации. Значимым идеологическим стимулом для выбора свободных профессий стал миф о необходимости возвращения в Землю Обетованную, поскольку только там можно отправлять обряды культа во всей их полноте. Меж тем привязка к земле заведомо воспрепятствовала бы этому. Поэтому выбор свободной профессии считался теологически верным. Данный стимул был особо ценным на начальном этапе плена, пока иудеи сами не почувствовали энергетическую целесообразность свободных профессий – их высокую отдачу на единицу прикладываемых усилий и относительно низкую исходную капиталоемкость.

Шестое, Тора, требуя постоянного исполнения сложных и неудобных для жизни обрядов и процедур, непрестанно тренировала и тестировала особей на идеологическую преданность корпорации. Тора создала гипнотизирующий тоннель реальности, покинуть который было крайне сложно, побег из которого тут же становился очевидным: Для того чтобы быть признанным евреем, необходимо было соблюдать известный минимум еврейских религиозных обрядов, не имевших прямой связи с нравственным усовершенствованием и сохранявших лишь национально-традиционное значение. Конечно, нельзя указать точно, каков был этот минимум... Во всяком случае, обрезание, соблюдение субботы, почитание иерусалимского храма, кое-какие правила относительно пищи считались условиями, без которых не было бы еврея, [С.Я. Лурье. Антисемитизм в Древнем Мире, издательство «Былое», Петроград, 1922](#). Субботу с полным на то основанием можно назвать всеобщим днём корпоративного тренинга – проверкой испытуемых на лояльность к корпорации: И соблюдайте субботу, ибо она свята для вас; шесть дней пусть делают дела, а в седьмой – суббота покоя, посвящённая Господу, [Исход 31:14,15](#). Для активных операторов биосферы полный день бездеятельности – априори тяжкое испытание. Не проходившие проверку послушанием жестоко наказывались: Кто осквернит её, тот да будет предан смерти, кто станет в оную делать дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего, [Исход 31:14,15](#).

Седьмое, Тора сформулировала правила техники безопасности внутри корпорации. Прежде всего, препятствовавшие самодействию – сжиганию ресурсов корпорации во внутренней конкуренции: «Не нарушай межи ближнего твоего», [Второзаконие, 19:14](#). Сформулированное для земли, правило с лёгкостью транслировалось и на социальное пространство. Впоследствии тема конкуренции была более развёрнуто истолкована в Талмуде, в том числе в виде хазаки. К технике безопасности относятся и поставленные Торой запреты, дабы экономическая агрессия корпорации не пожирала её саму изнутри: Чтобы раб и рабыня были у тебя, то покупайте их у народов, которые вокруг вас, также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, и из племени их можете покупать. И они могут быть вашей собственностью, можете передавать их в наследство сынам вашим, как имение. Вечно владейте ими, как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью, [Книга Левит 25:44,45,46](#). Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-нибудь другого, что можно отдавать в рост. Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, [Второзаконие 23:19,20](#). В седьмой год делай прощение. С иноземца взыскивай, а что будет твоё у брата твоего, прости, [Второзаконие 15:1,3](#). И т.д., и т.д.

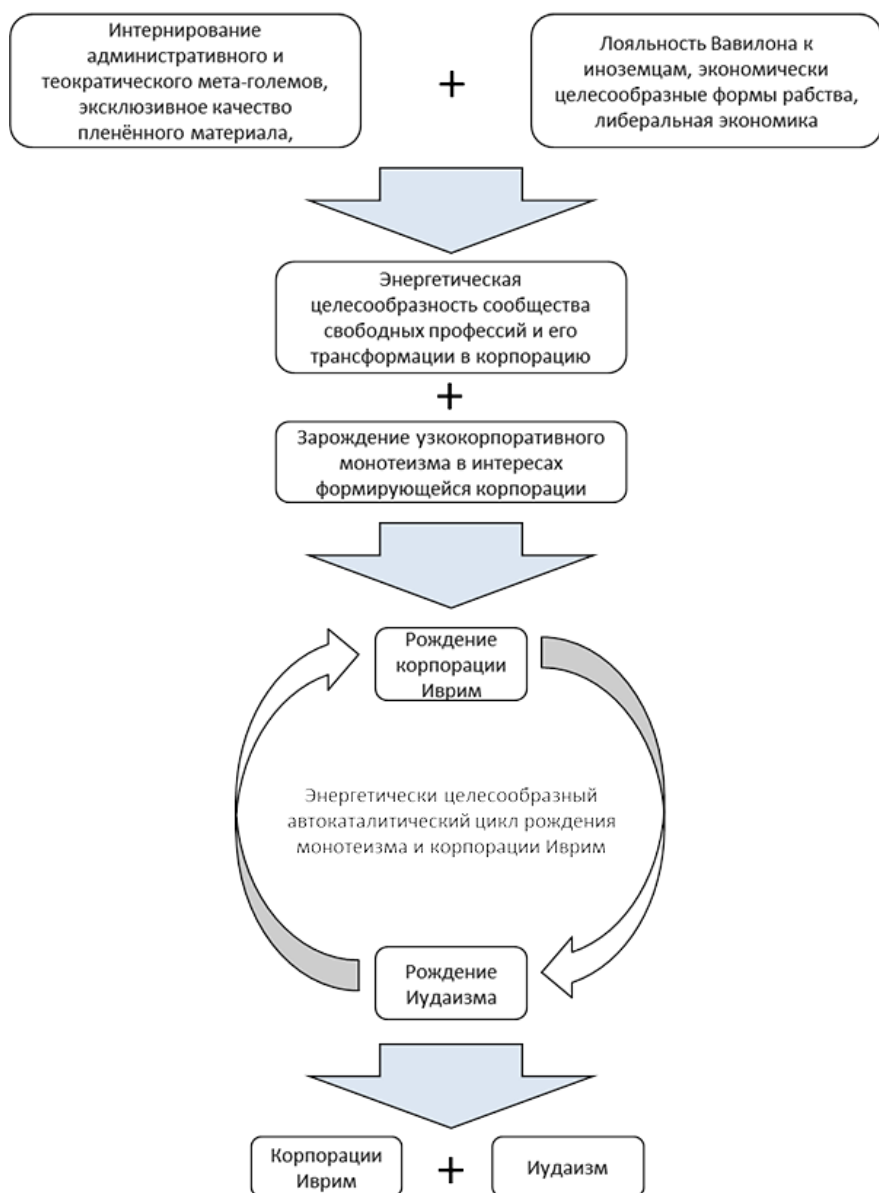


Значение Иудаизма в качестве основной обеспечивающей технологии корпорации Иврим не ограничивается перечисленным здесь, но и этого более чем довольно – дайейну.

## Взаимное циклическое усиление

Вместе сообщество свободных профессий, управляемое административным мета-големом, и первые ростки узкокорпоративного монотеизма образовали энергетически целесообразный автокаталитический цикл, вращение которого и привело к рождению корпорации Иврим и полноценного монотеизма.

В каждом такте цикла Иудаизм закреплял процесс постепенной трансформации обособившейся социальной группы в корпорацию, со своей стороны корпорация в каждом из тактов цикла уточняла свои требования к формировавшемуся на глазах монотеизму. И что наиболее важно, каждый такт цикла сопровождался ростом энергетической отдачи со стороны корпорации, превышавшим расходы на обобщённого мета-голема – административного плюс теологического. Вот она краткая стенограмма корпоративного социального строительства в Вавилонском плену:



Далее мы рассмотрим обстоятельства, предварявшие и сопровождавшие процесс рождения монотеизма: его корни, время появления, предшествовавшие тому попытки. В итоге сформулируем необходимое и достаточное условие для рождения закрытой формы монотеизма, а также познакомимся с рядом его характерных особенностей.

Начнём с корней Иудаизма – с язычества и его важнейшей роли в Древнем мире.

## Роль язычества в Древнем мире

В ходе цикла «Мировой кризис» мы не раз касались роли древних религий в социогенезе, в частности, в государственном строительстве.

Сам по себе любой религиозный культ – энергетически довольно дорогое для социума приобретение, которое, пройдя, как то и положено, тест на энергоэффективность, приживалось в силу своей энергетической целесообразности. Во-первых, создание культами фундамента для единой картины Мира резко снижало конфликтный потенциал внутри больших социумов. Во-вторых, божественное благословение, лежавшее на верховном правителе, простиралось и на его потомков, что способствовало бескровной передаче власти, позволявшей избежать хаоса внутренних войн. В-третьих, языческое многобожие стало ключевым элементом «научной» картины Мира, сопоставив каждому из глобальных явлений материального мира, недостающую первопричину. Это сделало знание о Мире стройным, логичным и замкнутым, не противоречащим базовой аксиоме о причинно-следственных связях, знакомой каждому активному оператору биосферы.

Была у языческих Богов и четвёртая, чисто практическая функция – помогать людям. И люди пустились во все тяжкие, используя своё «знание» о Богах в чисто корыстных целях. Об этом подробнее.

## Корысть Человека в отношении языческих Богов

Человек, как и всё живое, являлся активным элементом физического Мира – как и всё живое, он целенаправленно воздействовал и воздействует на определённые причины, порождающие ожидаемые следствия. Статус «активный оператор» – одно из наиболее ярких внешних проявлений, отличающих живой кусок материи от неживого.

Всякий активный оператор, и Человек тому не исключение, обнаружив новые причинно-следственные связи, тут же пытался использовать их – воздействовать на причины, добиваясь благоприятных для выживания последствий. Языческие Боги не стали исключением. Уж если они были причиной смены состояний геофизического ландшафта, то было бы неразумным не попытаться повлиять на них, добиваясь позитивного на него воздействия, чем люди и занялись в рамках многочисленных культов.

Древнему человеку не откажешь в сметке в его отношениях с Богами: энергетические затраты на жертвоприношения и сами культы были несоизмеримы с выгодой, ожидаемой от животворного влияния Богов на ландшафт. То была весьма откровенная попытка глобальных неэквивалентных обменов.

Попытка, следует признать, в любом случае конструктивная. Возможность обратиться к милости Богов позволяла не опускать руки в условиях естественных катаклизмов, тем самым до конца не утрачивать статус активного оператора ландшафта. Теологическое плацебо стало важнейшим фактором сохранения присутствия духа и устойчивости социумов в лихие времена, породив глубочайшую от него зависимость. Сей факт подчёркивают все авторы, касающиеся данной темы в истории Древнего мира. Тому примером:

Основой вавилонской экономики служило ирригационное земледелие. Урожай, а, следовательно, и существование населения в сильнейшей степени зависели от состояния ирригации, от обожествлённых сил природы, [Белявский В.А., «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», глава 8](#). В древности морские путешествия считались очень опасным делом. Бессильные в борьбе со стихией, древние люди рассчитывали только на милость богов, вызывавших, по их мнению, бурю, [И.Ш.Шифман, «Карфаген»](#).

И поныне даже самые лютые атеисты при длительном пребывании в экстремальных ситуациях зачастую надевают нательный крестик. Страшно ощущать свою никчемность и уязвимость, прости Господи. Нам же, пребывающим в тепле и уюте, настал черёд обратить свой взор на отношения древних евреев с языческими Богами в период до Вавилонского плена.

## Отношения древних евреев с язычеством до Вавилонского плена

До Вавилонского плена евреи ничем не выделялись в ряду обычных этносов – функционировали как обычный ландшафтный оператор.

По меркам древнего человека условия для занятия земледелием, которое тогда было самым продуктивным видом деятельности, в Израиле были очень жёсткими: редкие осадки с мая по сентябрь на фоне жаркого лета, ограниченные водные ресурсы, непригодный для ирригации рельеф. Учитывая низкий общий уровень развития производительных сил, евреи древности были крайне зависимы, даже более других этносов, от природных условий и возможных катаклизмов. Соответственно, в той же мере в них развилась и естественная зависимость от обожествления сил природы. И никакие увещания о заключённом с Яхве эксклюзивном Завете не могли отвратить их от поклонения языческим Богам, влиявшим на состояние ландшафта. Умилостивить имманентных ландшафту Богов было единственным доступным способом предотвратить наступление лихих времён. Поэтому оснований быть язычниками у евреев было не меньше, если не больше, чем у других этносов. Их склонность поклоняться пантеону языческих Богов имела под собой все объективные основания.

Вашему вниманию реконструкция И.М. Дьяконова – советского и российского историка по Древнему Востоку, специалиста по шумерскому языку и древним письменностям, доктора исторических наук – о периоде обживания евреями Ханаана:

Израильский племенной союз по традиции считался состоящим из 12 племён. Это было, прежде всего, культовое объединение, скрепляемое общим почитанием союзного бога Яхве. Поддержание культа было поручено межплеменной организации левитов, которым были выделены населённые пункты на территории остальных «колен». Поклоняться Яхве и другим богам можно было где угодно – преимущественно на холмах и высотах гор, но считалось, что на земле он «обитал» незримо «в ковчеге завета», хранившемся в шатре, как во времена бродячей жизни племён. Яхве в то время легко отождествлялся с местными ханаанейскими богами... Ни тогда, ни много позже Яхве не считался единственным в мироздании божеством – он был лишь ревнивым богом, заключившим договор со своим племенным союзом о том, что его не будут ставить наравне с другими богами. Символом этого договора считалось обрезание – обряд инициации, который первоначально был одним из испытаний отрока при вступлении его в общину полноправных воинов, у многих семитских племен со временем отмерший, например, у ханаанеев, но не у арабов. Израильтяне же стали его совершать вскоре после рождения мальчика. Но, несмотря на «договор» и символические обряды, ещё столетия спустя [относительно X века до н.э.] кое-где придавали Яхве в жёны аморейско-ханаанейскую богиню Ашерат, а в каждом роду поклонялись фигуркам-идолам то ли божеств, то ли предков – терафим. И в принципе была не исключена возможность молиться другим богам, и уж подавно не отрицалась власть иных богов на территории иных племён и народов, [Дьяконов И.М., История Древнего мира, том первый: переселение заречных племён и народов моря](#).

По мере того как евреи садились на землю, их трудовые навыки усложнялись, а энергоэффективность деятельности росла. Но вместе с тем росли и геофизические риски провалов продуктивности, на которые в зоне Леванта Человек был не в силах повлиять. Поэтому потребность евреев в новых узкоспециализированных Богах, уже зарекомендовавших себя в качестве инструментов купирования рисков в соседних земледельческих этносах, со временем не уменьшалась. Вот почему евреи всё время своего пребывания в Ханаане продолжали с лёгкостью воспринимать окружающие их языческие культы и с удовольствием следовали им. Тому примером царь Соломон, одна из семисот жён которого, став любимой, без труда убедила его построить языческий жертвенник и поклоняться божествам её родной земли. Всё, что оставалось жречеству Яхве – бороться за то, чтобы их культ, подвергавшийся в новых условиях эрозии, оставался для племенного союза главным.

Склонность евреев к язычеству признаёт и Танах. Восемь книг Пророков, охватывающих эпоху от входа в Землю Обетованную до Вавилонского плена, описывают непрерывную борьбу жрецов и пророков с языческими Богами. Они сражались за главенство своего культа не только с целью воспрепятствовать деградации этнической идентичности, но

главным образом с целью воспрепятствовать критическому уменьшению ресурсной базы культа.

В 928 до н.э., когда единое царство евреев распалось на два – Иудейское и Северное Израильское, вслед за политическим разрывом тут же последовал религиозный – жречество мгновенно поделило некогда единый культ. В Северном Израильском царстве в политических видах был учрежден новый культ Бога Израиля под видом Золотого Тельца. В самой южной оконечности царства – Вефиле, одном из главных городов Древнего Израиля, храм-скиния которого соперничал с Иерусалимским Храмом, было поставлено изваяние Золотого Тельца. Другое изваяние было установлено в Дане – самом северном городе царства, [третья книга Царств 12:28-30](#). То, что Северное Израильское царство, находясь в непосредственном соседстве с сильной в экономическом и военном плане Финикией и сирийским Дамаском, с лёгкостью воспринимало их язычество в ущерб культу Яхве, было абсолютно естественным.

Согласно Танаху, а это труд именно иудейского жречества, вслед за укоренением в Северном Израиле идолопоклонства последовал упадок нравственности, ослабление государства и череда внутренних смут. Меж тем Иудейское царство, хотя оно и придерживалось истинной религии и закона Моисея более последовательно, чем Северное Израильское, тоже подвергалось языческой эрозии. Тому примером, и он не единственный, царь Ахаз, наделавший идолов Ваала, установивший его статую в Иерусалиме и приносивший им жертвы, совершая пред ними курения и проводя через огонь своих сыновей.

Иудейское царство оказалось ничуть не сильнее и стабильнее Северного Израильского. Исчезновение последнего, а вместе с ним и десяти колен Израилевых – следствие его восстания совместно с Дамаском против Ассирии и обращения иудейского царя Ахаза к своему ассирийскому «партнёру» Тиглатпаласару III со слёзной просьбой о помощи, подкреплённой богатыми дарами. Ахаз попросил выручить его в критическом противостоянии с Дамаском и Израильским царством, и Ассирия – тогда верховный сюзерен Передней Азии – выручила.

Если следовать не Танаху, а объективным обстоятельствам и причинно-следственным связям, то придётся признать, что до Вавилонского плена язычество было естественным состоянием и Северного Израильского и Иудейского царств, как и любого древнего этноса в статусе ландшафтного оператора. Иудейскому царству, очевидно, удалось сохранить культ Яхве в качестве базового, удалось ли сделать это Северно-Израильскому – вопрос. Но единственное «объективное» основание рассматривать иудейский культ Яхве в период до Вавилонского плена в качестве монотеистического – встать на позицию, что Танах является истинной, а не мифологической историей древних евреев.

## Первые попытки перехода к монотеизму

По мере увеличения размеров государств до огромных и роста мощи Больших Капиталов, зачастую теократических, языческое многобожие становилось проблемой для верховного суверена. Значимые города, в которых располагались главные храмы культов, отличных от столичного, с лёгкостью превращались в центры силы альтернативные верховному правителю. Так было в Древнем Египте, так было и в Вавилоне. Поэтому попытки перейти к монотеизму предпринимались административными мета-големами и до времён Вавилонского плена.

Одну из них, чисто административную, пытался реализовать фараон Эхнатон 1351-1334 до н.э. Он славен не только женой – царицей Нефертити, но и кардинальной религиозной реформой, подробнее об этом в заметке [Мировой кризис 22: окончание истории Древнего Египта](#).

Эхнатон попытался отменить или низвести до статуса малозначимых все старые культы, включая ключевой верхнеегипетский фиванский культ Амон-Ра. Де-факто это была попытка ввести единобожие – поклонение единственному малоизвестному до той поры богу Атону, олицетворявшему солнечный диск. Точно неизвестно, что сподвигло Эхнатона на реформу, но в предверии надвигавшихся смутных времён «катастрофы бронзового века» его порыв мог быть интуитивным и стать спасительным для единства Египта. Эхнатон действовал жёстко: по всей стране строились грандиозные храмы Атона – в Фивах, Гелиополе, Мемфисе, Фаюме. Культы всех прочих Богов запрещались, их храмы закрывались, жрецы, вероятно, разгонялись.

Реформа Эхнатона, в целом правильная, не имела шансов на успех. Попытка побега из мульти- в монотеизм была явно преждевременной. Вытеснить приказом из коллективного сознания этносов, пребывавших в статусе ландшафтных операторов, культы богов-спасителей было объективно невозможно. После смерти Эхнатона традиционное жречество воспряло и сделало всё, чтобы вычеркнуть из исторической памяти не только реформу, но и имя Эхнатона – надписи о нём на стенах храмов и стелах тщательно вымарывались. Вслед за кончиной Эхнатона была заброшена и его новая столица Ахет-Атон.

Следующий важнейший и продуктивный прорыв в направлении монотеизма совершила Ассирия времён имперского величия. Её попытка, в отличие от Египта, была подкреплена объективными обстоятельствами. Процесс развивался абсолютно естественным образом и столь же естественно оборвался в 609 до н.э. вместе с кончиной Ассирии.

Весь фокус был в том, что Ассирия в существенной мере эволюционировала от ландшафтного оператора в статус социального. Значимую, порой львиную долю располагаемых ею ресурсов генерировала военная индустрия. Будучи военной Империей, Ассирия первой обрела черты социального оператора, оперировавшего над полем социумов Передней Азии. Смещение акцента прилагаемых усилий с ландшафта на социумы имело следствием существенное снижение зависимости от геофизических условий, а с ними и от имманентных языческим Богам качеств. Как следствие, Боги Ассирии постепенно утрачивали связь с ландшафтом, его наполнением, природными явлениями, становились всё в большей мере трансцендентными, постепенно сближаясь с Богом-Абсолютом. Военный оператор более интересовался не урожаями, приплодом, осадками, засухами, грозами, а вопросами жизни и смерти, а с ними и смыслами бытия. Следствием разрыва связи Богов с природой стало наметившееся в Ассирии изменение в социальном положении женщин, впоследствии скопированное при переходе к монотеизму большинством переднеазиатских этносов.

Де-факто все трансцендентные Боги Ассирии различались только брендом названием – весь их функционал можно было с лёгкостью объединить в едином Боге. Мультиитеизм сохранялся лишь в силу закостенелых привычек – предпочтений молиться тому или иному конкретному Богу, а также в силу отсутствия насущной необходимости использовать Бога в качестве единственного инструмента воспроизведения идентичности этноса, поскольку базовые этнические традиции продолжала воспроизводить коренная земля Ассирии. Поэтому оставшийся малюсенький шаг до полноценного монотеизма Ассирия не сделала в силу отсутствия объективной тому необходимости.

Характерной чертой ассирийской теической трансцендентности была её открытость, чем она принципиально отличалась от Иудаизма. Открытость была прописана военному социальному оператору самим его функционалом – у любого мужчины с характером воина должна была иметься возможность вливаться в его постоянно прорежаемые ряды:

Принципы строгого женского уединения, развитые в Древней Ассирии, стали образцом для многих обществ будущего. Будет неправильно объяснять, как это делают некоторые, антиженский характер Среднеассирийского царства и дворцовых указов внутренне присущим семитским мужчинам шовинизмом. То, что жизнь женщины теперь так изменилась, является следствием глубокой трансформации религиозного мышления, радикальным сдвигом в оценке ассирийцами сил, правящих миром, и, как следствие, места мужчины в нём.

Это преобразование религиозных верований повлекло за собой драматические последствия для мировой истории и стало первой ступенью переворота, сделавшего наш современный мир таким, каков он есть. Произошёл переход от веры в богов имманентных, являющихся сверхъестественными отображениями сил природы, богов, которые населяют мир и олицетворяют собой явления природы, к богам трансцендентным, находящимся скорее вне природы и над ней, нежели являющимся её частью.

Это было новое представление, которое, в конечном счёте, уведёт большую часть человечества от веры в землю, каждая черта которой – небо, почва, море, горы, долины, реки, растения и животные, обитающие в них – населена сверхъестественными силами, что приводит к вере в грешный материальный мир. Им руководят божественные силы, дёргающие, как кукловоды, за верёвочку своих неживых и живых марионеток, силы, скрытые за завесой внешних признаков, которую безымянный средневековый христианский мистик назвал «облаком неведения».

Во времена ассирийцев, как свидетельствуют печати и скульптуры того времени, связь «между богами и природой» начала медленно ослабевать, а затем и вовсе порвалась. Раньше богов изображали в человеческом облике, они носили корону с рогами и были, как им и положено, окружены своими атрибутами. Но впредь богов будут представлять словно отстранёнными от мира, а, в конце концов, их изображения вообще заменят символами: солнцем – Шамаша, Луной – Сина, планетой Венера в виде звезды – богиню Иштар. На удивительном алтаре, найденном в храме Ашшура, находящемся в настоящее время в Берлинском музее, изображён посланец богов Нуску в виде таблички с письменами и стило, лежащими на подставке, словно ожидающими, что невидимая рука напишет на табличке благословение и пророчество. Ашшур был представлен в виде крылатого диска, парящего над миром, несущего над ним божественный образ, – символ, который позднее будет перенят персами. Их зороастрийская община и по сей день использует его для обозначения своего верховного Бога Ахурамазды.

Вера в трансцендентность, а не имманентность божественного имела важные последствия. Природу перестали обожествлять, освободили от религиозного флёра. Так как боги находились вне природы и над ней, человечество, созданное согласно месопотамским верованиям по их образу и подобию для служения им, должно было занимать такое же положение – быть главой и властелином Земли, а не неотъемлемой частью природы.

Если у мужчин есть возможность вводить себя в заблуждение, что они находятся вне природы, над ней и являются её хозяевами, то женщины не могут с ними тягаться, так как их физиология делает их явно и определённо её частью.

Далеко не случайно, те религии, которые наибольший акцент делают на абсолютной трансцендентности Бога, переводят женщин на более низкую ступень бытия: им нехотя и очень редко позволяют участвовать в коллективных религиозных службах. Хорошо известно, что ортодоксальные еврейские мужчины молятся каждое утро так: «Благословен ты, Господи наш Боже, владыка Вселенной, Который не создал меня женщиной», Пол Кривачек, «Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации. 1005-700 до н.э.».

Зародившееся в Ассирии отношение к женщине, которое стало общим местом азиатского монотеизма, воспринял и бережно пронёс ортодоксальный Иудаизм, по срокам своего возникновения близкий к ассирийской теической трансцендентности. Как следствие, в Израиле сегрегация ортодоксами женщин имеет место и по сей день: [1](#), [2](#), [3](#).

В заключение отметим, что у Ассирии, как потенциального автора монотеизма, был один существенный недостаток: все государства, особенно военные империи, смертны. И если объективные условия для восприятия открытого Бога-Абсолюта окружающими этносами ещё не созрели, то Он непременно умирал вместе с породившим его государством, как это и случилось с ассирийским теизмом.

## Основное условие рождения монотеизма

Теперь, учитывая изложенное, мы вполне в состоянии его сформулировать: необходимым и достаточным условием рождения монотеизма в период, когда объективные условия для его восприятия ландшафтными операторами ещё не созрели, было появление устойчивого социального оператора формата этоса или этноса.

Исходя из условия, можно с точностью указать на время и место рождения монотеизма – Вавилонский плен, поскольку именно там сформировался устойчивый социальный оператор формата этоса, независимый от ландшафта и связанных с ним геофизических условий, независимый от этноса пребывания. Именно в условиях плена пантеон имманентных ландшафту Богов, населявших «облако неведения», превратился для иудеев в б?льшую абстракцию, нежели их трансцендентный узкокорпоративный Бог-Абсолют, к тому же жизненно необходимый формировавшейся корпорации.

Социальный оператор, являясь инвариантом относительно ландшафтов и социумов, обладая железной хваткой для присвоения ресурсов социумов, нащупавший эффективную технологию постановки внутрисоциальных границ, предотвращающих его ассимиляцию, обладал крайне высокой степенью устойчивости, что сделало монотеизм постоянным фактором социогенеза, не исчезающим вместе с мета-големом, подобно тому, как это случилось с Ассирией. Невероятная

степень устойчивости поддерживающего его оператора позволила узкокорпоративному монотеизму не только родиться, но и сохраниться в продолжение тысячелетий.

## Разночтения во времени написания Торы

Ежели исчислять время написания Торы, опираясь на объективные тому предпосылки, то придётся однозначно указать на период Вавилонского плена, что совпадает с мнением непредвзятых учёных – тех, кто не рассматривает историю сквозь призму Библии. Они датируют появление Пятикнижия Моисеева временем Вавилонского плена – после 600 до н.э. Завершение Танаха относят к персидскому периоду – около 400 до н.э., а его последнюю и окончательную редакцию – ко времени перед приходом Христа и началу нашей эры.

Их мнение и лишь часть аргументов, в том числе, не учитывая прямых археологических, в художественном изложении Айзека Азимова:

Именно благодаря Иезекиилю произошло весьма знаменательное событие, беспрецедентное в истории, которое объясняет выживание евреев даже больше, чем вавилонская терпимость. С древних времён само собой разумелось, что, когда народ оказывался побеждённым, его боги тоже были побеждены, поэтому, когда народ изгонялся и терял чувство национальной принадлежности, его боги тоже умирали. Это и случилось с израильянами из Северно-Израильского царства, которых Саргон выслал двумя столетиями раньше.

С иудеями этого не случилось. Земля была потеряна, Храм потерян, и всё же Иезекииль убеждённо утверждает, что это произошло не потому, что их Бог оказался слабым или потерпел поражение. Он был просто недоволен евреями и потому наказал их. Когда наказание кончится, Он всё восстановит, а тем временем евреям лучше поучиться вести себя хорошо.

Под руководством Иезекииля учёные люди среди еврейских изгнанников – книжники – начали перелагать еврейские легенды и исторические воспоминания в письменную и организованную форму в соответствии с той схемой истории, которая, по мнению Иезекииля и других влиятельных людей, была правильной. Так родились в своей нынешней форме ранние книги Библии.

Конечно, евреев в Вавилоне тянуло к вавилонской культуре, также как и все другие народы, приходившие в Месопотамию после того, как шумеры основали эту культуру. Они не могли не усвоить некоторую часть вавилонской учёности.

Их собственные летописи восходили к их прибытию в Ханаан, со смутными легендами о Моисее и праотцах-патриархах – Аврааме, Исааке и Иакове. Однако, говоря о временах до Авраама, они полагались на вавилонские легенды, и первые десять книг Бытия содержат эти легенды после того, как из них были убраны политеизм и идолопоклонство. Великая повесть о Творении, приведённая в первой Книге Бытия, вероятно, вдохновлена Вавилоном. Чудовищное Тиамат – воплощение в шумеро-вавилонской мифологии мирового океана-хаоса солёных вод, из которого родилось всё, в том числе и боги, в Библии стала «Техом» – Великой бездной первичных вод творения, над которой носился дух Божий.

Перечень десяти допотопных патриархов и сам Потоп пришли, вероятно, прямо из древних шумерских записей, сохранных вавилонским жречеством до дней Навуходоносора.

Вавилонская башня Быт 11:1-9 – это зиккурат в Вавилоне, и рассказ о том, что она была оставлена неоконченной, вероятно, вызван неоконченным состоянием зиккурата в период, когда евреи впервые попали туда в ссылку.

Сон Иакова о лестнице, простирающейся от земли до неба Быт 28:12 с ангелами, спускающимися и поднимающимися по ней, возможно, также навеян зиккуратами с их наружными лестницами, поднимающимися со ступени на ступень, по которым двигались вверх и вниз торжественные процессии священников.

В истории, как она изложена в Книге Бытия, говорится, что Аврам и его семья прибыли в Харран из Ура халдеев. Возможно, эта легенда отражает фактическую эмиграцию из Шумера в Ханаан. Но возможно также, что книжники,

которые полировали и редактировали еврейские легенды, не могли удержаться от того, чтобы не проследить свое происхождение вплоть до начала величественной вавилонской цивилизации и сравняться в происхождении и древности с завоевателями.

Ур ещё существовал во времена Навуходоносора в виде полуразрушенной, почти мёртвой деревушки, с благоговейными свидетельствами величия в туманные, древние времена. Ур мог быть выбран именно за очень туманную древность, которая дышала в нем. Название «Ур халдеев» является, конечно, диссонансом, ибо, хотя халдеи и правили Вавилоном и Уром во времена Навуходоносора, но во времена Авраама, пятнадцатью столетиями раньше, их там просто не было, потому что их тогда не было вообще.

Все эти легенды евреи присвоили себе. Ещё они взяли вавилонский календарь и тоже присвоили, сохранив его в течение двух тысяч лет после того, как вавилонская цивилизация пришла к концу. Даже сегодня еврейский религиозный календарь остаётся вавилонским вплоть до названий месяцев.

Также евреи восприняли вавилонскую семидневную неделю, но сделали седьмой день, специфическую еврейскую субботу, днём, специально посвящённым Богу. «Закону Моисея» посвящено много мест в ранних книгах Библии, и, несомненно, он многим обязан знакомству с юридическими кодексами, происходившими от кодексов Хаммурапи и его предшественников.

Поэтому не было опасности, что евреи потеряют национальное сознание. Даже потеряв землю и Храм, они сохранили свою Библию, свой Закон и свою Субботу, отделили себя от всех прочих, дали себе идентичность и обеспечили выживание. Даже если они не возвращались в Иерусалим, они сохраняли свою идентичность. Доказательством служит то, что они сохраняют её все двадцать пять столетий, что протекли со времен Иезекииля, несмотря на то, что их усиленно гнали намного дольше и намного суровее, чем Навуходоносор. Вполне справедливо, что Иезекииль, пророк, который жил в Иерусалиме, известен как отец иудаизма, Айзек Азимов, [«Ближний Восток. История десяти тысячелетий»](#).

Примечательно, что в изложении Азимова, и так оно наверняка и было, «правильную схему истории евреев» определяли некие абстрактные «влиятельные люди», озадачившие «книжников». Но мы-то теперь понимаем, что это были за «влиятельные люди» – высшие слои административного и теократического мета-големов, быстро формировавшаяся экономическая элита корпорации Иврим, в целом – её высший менеджмент.

Что ещё важнее, Айзек Азимов обозначил точку во времени, когда родился подлинный монотеизм. Это случилось не при Иезекииле, а когда единый Бог, помогающий только евреям, обрёл, помимо весьма конкретного языческого качества «Ты мне – Я тебе», трансцендентность и поднялся над природой и социумом на недостижимую для Человека высоту. Причиной тому прозрение одного из пророков, прошедшего в своих ментальных изысканиях тропой ассирийцев:

Но и это не всё. Через поколение после Иезекииля, когда Вавилонское пленение подходило к концу, появился другой пророк, быть может, величайший из всех еврейских пророков. Мы, однако, не знаем о нём ничего, кроме его творений, не знаем даже его имени. Его творения были приписаны более раннему пророку – Исаяе, который жил двумя столетиями раньше во времена осады Иерусалима Синаххерибом, и включены в библейскую книгу пророка Исаяи как главы 40-55. Современные комментаторы называют этого неизвестного пророка Второисайей.

Именно Второисайя впервые ясно увидел, что Яхве не просто бог евреев. Он увидел в Нём Бога всей Вселенной. Именно со Второисайи начинается подлинное единобожие. Универсальность Бога была позднее признана всеми евреями вообще. Этот взгляд позволил иудаизму дать рождение двум дочерним религиям, христианству и исламу, которые распространились на громадные территории и многолюдные народы, которых сам иудаизм никогда не затрагивал. И концепция эта тоже возникла в Вавилоне, Айзек Азимов, [«Ближний Восток. История десяти тысячелетий»](#).

О чём здесь пишет Азимов? Книга пророка Исаяи, которому приписывают творчество Второисайи, – самая первая из творений Поздних пророков. Родился Исаяя около 765 до н.э. в Иерусалиме, пророчествовать начал в 747 до н.э., жизнь его мученически закончилась в царствование царя Манассии 695-642 до н.э. Но порой пишет Исаяя о временах гораздо более



поздних. Так, в [Исайя 45:1](#) он называет помазанником Господа персидского царя Кира, правившего 559-530 до н.э., т.е. через столетие после смерти пророка. Современные либеральные библеисты разрешили противоречие, введя в качестве соавтора Исайи упомянутого Айзеком Азимовым анонимного Второисайю, относимого ко времени окончания Вавилонского плена и сразу после него. Но канонические библеисты, несмотря на неувязки, всегда приписывали авторство Исайе, на том и продолжают настаивать.

В более поздние сроки, чем декларируемые ортодоксальным иудаизмом, были написаны и другие Книги Танаха. К примеру, авторство Книги пророка Даниила традиционно приписывают самому Даниилу – пленнику Вавилона, но при этом её автор демонстрирует довольно смутные знания о реалиях Нововавилонского царства. Ещё в III веке неоплатоник Порфирий рассматривал пророчества Даниила как написанные значительно позже плена. К настоящему времени сложился широкий научный консенсус о том, что Книга пророка Даниила была создана четырьмя столетиями после Вавилонского пленения.

Вопреки утверждениям ортодоксальных теологов, которые делаются на фундаменте мифологической истории, истинные сроки написания Торы и Танаха подтверждаются не только временем и местом появления объективных тому условий, но и массой заимствований, хронологических и фактических привязок в их тексте. Дополнительным тому свидетельством и сроки появления системного еврейского письма, и минимальное количество памятников еврейской письменности времён допленного Иудейского царства, см. [Мировой кризис 27: место письменности в социогенезе](#).

## Языческие корни в иудейском представлении Бога-Абсолюта

Начнём с того, что исходно отношения иудеев с Богом-Абсолютом строились по образу и подобию языческих: мы Тебе веру и жертвоприношения – от Тебя предметная помощь, иначе мы сильно сомневаемся в своей вере. Тому несть числа примеров в священных текстах типа казней Египетских. Фразы вроде «кто такой есть Моисей, и кто Бог его» с ожиданием последующих подтверждений наличия Бога и сверхъестественной помощи – постоянный спутник Торы.

Отношения выстроены в логике веры в Богов, имманентных ландшафту. Сначала народ должен Богу:

Ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле. Соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедую тебе исполнять., [Второзаконие 7:6,11](#).

Затем Бог воздаёт народу. Вот что, к примеру, конкретно обещалось, когда евреи вступали в Ханаан:

И если вы будете слушать законы сии и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как Он клялся отцам твоим. Введёт тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, ... семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя. И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их; тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их. И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу. Не можешь ты истребить их скоро, чтобы [земля не сделалась пуста и] не умножились против тебя полевые звери, но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведёт их в великое смятение, так что они погибнут. И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной: не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их, [Второзаконие 7:1,2,12,22,23,24](#).

В последующих текстах обещания в обмен на веру становятся ещё глобальнее, в том числе затрагивают экономическую сферу, что явно навеяно реалиями плена:

Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать, [Второзаконие 15:6](#).

Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе, ибо в гневе Моем Я поражал тебя, но в

благоволения Моем буду милостив к тебе. И будут всегда открыты врата твои, не будут затворяться ни днём, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся, [Исайя, 60:10,11,12](#).

И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши, и сыновья чужеземцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями. А вы будете называться священниками Господа – служителями Бога нашего будут именовать вас, будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их, [Исайя, 61:5,6](#).

Это не избранные места из Торы и Танаха: требование от лица Господа Бога веры в Него и поток ответных обещаний – их системное наполнение. При этом Яхве прямо обещал кромсать в интересах иудеев социальный ландшафт, чего никогда не обещали языческие Боги в отношении ландшафта геофизического. В обещании оперировать над социальным ландшафтом действительно была уникальность Яхве, в обмен на которую Он требовал абсолютной верности.

Таким образом, основной посыл Иудаизма вполне языческий: служение избранному Богу – необходимое условие процветания. Прежде всего, Бог-Абсолют был представлен иудеям не как источник метафизических смыслов бытия и универсальной этики, а как инструмент реализации стратегии неэквивалентных обменов на социальном ландшафте. Призывая к стратегии доминирования на нём, иудейский Бог-Абсолют настолько жёстко апеллировал к территориально-иерархическим инстинктам верующих, как до него не делал этого ни один языческий Бог.

Не миновал Иудаизм язычества и в обрядовых ритуалах. Так, длительное время праздник Песах начинался с обычного для язычества обряда жертвоприношения. В жертву приносился годовалый козлёнок или барашек без греха, в память о том, что евреи непосредственно перед Исходом мазали их кровью косяки входных дверей в качестве пометки для Господа: «Свои, обходить стороной», – дабы Яхве истреблял только египетских первенцев.

Моменты языческого толка присутствуют и в сюжетах Торы. Примером тому борьба Иакова с Господом Богом, сошедшим к нему в лике Ангела, повредившем ему в той схватке бедренную кость. По фактуре это напоминает выступление Геракла в панкратионе на Олимпийских играх, где он боролся с Зевсом. Как и у Иакова с Яхве, та схватка закончилась вничью. Таких сюжетов с представлениями о Боге-Абсолюте далекими от трансцендентности немало.

## Почему в тексте Торы столь много борьбы с язычеством

Переход иудеев от язычества к монотеизму, не мог случиться одномоментно, как по мановению волшебной палочки, даже несмотря на быструю трансформацию иудейской диаспоры из ландшафтного оператора в социального. Коллективное сознание ещё хранило историческую память о языческих Богах, которые были привычны и удобны, как домашние тапочки, и не могло в мгновение ока оторваться от них. Процесс перехода не мог не растянуться во времени. Вавилонским пленникам невозможно было взять и вот так сходу заявить, что язычества, други мои, в вашей жизни уже тысячелетие как не было, что народ наш сразу же после заключения Завета стал благочестив и верен Яхве. Этническая память пленников, захваченная ими с собой в Вавилон, тому противоречила. Поэтому язычество невозможно было вычеркнуть из создаваемой мифологической истории евреев. Но его можно было эффективно использовать: лучший способ скорейшего склонения к монобожию – убедить в безмерной силе Яхве в сравнении с язычеством, что и сделано на страницах Торы.

На них языческие культы прорастали в жизнь богоизбранного этноса непрерывно, как сорняки – Моисей, Иисус Навин, судьи, пророки, левиты, цари, опираясь на помощь Яхве, были заняты их постоянной прополкой. При этом до вавилонских пленников последовательно доносилась ключевая мысль: сила Яхве несравненна, всё хорошее, что случилось в жизни еврейского народа, связано с Ним и с Его помощью избранному народу, а все беды – от языческих заблуждений. Остаётся добавить, что наглядная экономическая целесообразность узкокорпоративного монотеизма в условиях Вавилонского плена надёжно закрепила уроки убеждения.

## Необходимость приватизации Бога

Очевидно, что Бог иудеев не мог оставаться открытым для доступа других этнических групп, как языческие Боги. Открытый доступ к Богу, воспроизводящему богоизбранность, мог породить новые рафинированные социальные

операторы, которые неизбежно вступили бы в жесточайшую конкуренцию с этосом-первооткрывателем. Допустить подобное развитие событий было бы энергетически крайне нецелесообразным.

С этой точки зрения заключённый с Яхве Завет на самом деле был не выбором Богом своего избранного народа, а как раз наоборот – оформлением евреями эксклюзивного «юридического» права на своего личного вселенского Бога, возвышающего их над другими народами.

Обойти «юридические» права корпорации Иврим оказалось не так-то просто: для реализации следующего после Иудаизма представления Бога-Абсолюта, которое было открытым, а не узкокорпоративным, потребовался Новый Завет, отменяющий Ветхий, для чего пришлось объявить его исполненным.

## Ментальная стража корпоративной границы

Корпорация Иврим – самый древний из всех субъектов экономики, функционирующий в протяжении более двух с половиной тысячелетий. В своей повседневной деятельности она постоянно сталкивалась с нетривиальной проблемой: с неизбежно возникающим на человеческом уровне личностным притяжением между диаспорой и этносом пребывания – естественным следствием регулярных коммуникаций, которые как ничто иное сближают людей. Особенно, если это симпатизирующие друг другу молодые люди разного пола. Здесь одной лишь ментальной границей, проведённой богоизбранностью, ситуацию не удержать. Требуется регулярный тренинг вызывающий глубокое самопроизвольное отторжение при чрезмерном сближении с противной стороной.

Корпорация, столкнувшись с «неприятным» следствием регулярных бытовых контактов, была вынуждена в дополнение к стратегии избранности, задаваемой базовым Писанием, снизить на уровень тактики – разрабатывать и внедрять повседневные практики социального отторжения.

Тактический уровень отчасти прописан в Талмуде: «Неравный статус «чужого», т.е. нееврея, в иудаизме, вообще говоря, не столь бесспорен и однозначен, как, например, в следующей талмудической цитате: «Вы именуется людьми, а народы мира не именуется людьми», Вавилонский Талмуд, трактат Йевамод, 61а».\* Впрочем, без толкователей Талмуда, переведивших данные словесные экзерсисы далее на бытовой уровень, они так бы и оставались балластом. Требовалось творческое, эмоциональное донесение их до паствы. Тому близкий нашему



Шломо Занд \*

времени пример: «Совсем неслучайно первый главный раввин палестинского поселенческого сообщества в эпоху, предшествовавшую созданию государства Израиль, написал в своём знаменитом сочинении «Орот» («Огни»): «Различие между душой еврея, её сущностью, её внутренними желаниями и стремлениями, её качествами и положением и душами всех гоев, какое бы положение они не занимали, является более глубоким и значительным, нежели различие между душой человека (нееврея) и душой животного, ибо последнее различие является лишь количественным, а первое – сущностным и качественным». Следует помнить, что сочинения раввина Кука являются сегодня духовным компасом сообщества поселенцев, «осваивающих» территории, оккупированные в 1967 году».\*

С созданием государства Израиль идеология социальной сепарации обрела статус официальной государственной: «Ещё в начале 70-х годов Голда Меир, тогдашний премьер-министр Израиля, объявила, что с её точки зрения всякий, кто вступает в брак с «гойкой» или «гоем», присоединяется к шести миллионам евреев, уничтоженных нацистами». \* Данная точка зрения нашла юридическое оформление в законодательстве государства Израиль, согласно которому «еврей не может вступить в брак с нееврейкой, и наоборот».\*

Догадаетесь, почему в Израиле в дополнение к ментальной границе пришлось провести явную юридическую?

Дело в том, что в очередной раз осев на Земле Обетованной, евреи Израиля тут же превратились из социального оператора в ландшафтный, т.е. в обычный этнос, которому сложная в следовании её идеология Иудаизма не несёт никаких энергетических выгод в повседневной операционной деятельности. Социальный оператор, эмигрировав в Израиль, тем самым деклассировал себя: если единственный социальный объект, над которым ты оперируешь – это ты сам, то ты уже не социальный оператор. Отрезвляющее предупреждение о резкой смене статуса встречает эмигрирующих надписью в аэропорту Бен-Гуриона в Тель-Авиве: «Не надо думать, что ты здесь самый умный – здесь все евреи». Её не дословный, а содержательный перевод с иврита на любой другой язык Мира звучит примерно так: «Даже не пытайся реализовать себя здесь в качестве микросоциального оператора – здесь все когда-то были такими». Как следствие, евреям Израиля остаётся лишь фантомная память о славном прошлом в корпорации, что превращает её устав в мешающую жизни формальность. Поэтому в Израиле нормы Иудаизма подвержены размыванию повседневным бытом, если предусмотрительно не обеспечить им юридическую и административную поддержку. Не лучше обстоят дела в диаспоре, но о причинах этого в следующей заметке.

\*При написании раздела использованы материалы из книги Шломо Занда «Как и почему я перестал быть евреем».

## Анизотропный гуманизм

Гуманизм – социальная концепция, утверждающая высшей ценностью жизнь человека, его право на самоопределение и свободное волеизъявление. Если говорить о гуманизме корпорации Иврим, то он в высшей степени дуален.

Начнём с права на самоопределение и свободное волеизъявление. Высшей целью монолитной корпорации всегда ставилась её экономическая эффективность, которой подчинена жизнь отдельного индивида. Свобода волеизъявления признавалась только в рамках движения к цели, тогда как выход за них наказывался исключением из корпорации, порой в мир иной. Суббота тому подтверждением.

Вместе с тем вовне корпорация всегда отстаивала по возможности ничем не ограничиваемые права своих «сотрудников» на самоопределение, свободное волеизъявление, полную свободу проявлений и действий в социуме пребывания. Здесь корпорация позиционировала себя ярким поборником высшего гуманизма, используя данный инструмент для разрушения мешающих ей социальных рамок. И конечно же, всегда утверждала высшей ценностью жизнь – защиту жизни своих «сотрудников» от покушений на неё извне. При этом гуманизм корпорации Иврим всегда был узкокорпоративным и никогда не распространялся на базовый этнос:

Смотревшие «Список Шиндлера» помнят произнесённые в самом его конце благородные слова, адресованные спасаемому еврею немцу: «Всякий, кто спасает одну-единственную жизнь, как бы спасает целый мир». Однако лишь немногие знают, что это формула, непосредственно заимствованная из Вавилонского Талмуда, текста, в течение тысячелетий определяющего иудейскую этику, и не только её, выглядит в оригинале несколько иначе: «Всякий, кто спасает одну-единственную еврейскую жизнь, как бы спасает целый мир», Вавилонский Талмуд, трактат Санхедрин, 37а. Её риторическая гримировка была, несомненно, произведена Спилбергом, однако бесспорный гуманизм фильма не имеет никакого отношения к еврейской традиции, Шломо Занд, «Как и почему я перестал быть евреем».

Последовательное воспитание узкокорпоративного гуманизма не могло не отразиться на коллективной памяти:

Позднее, под воздействием нескольких таких инцидентов, я начал при самых различных обстоятельствах – на званых обедах, в ходе занятий, проводимых мною в университетах, в случайных беседах – задавать своим собеседникам

следующий вопрос: «Сколько людей убили нацисты в концентрационных лагерях, в лагерях смерти и в ходе других «неконвенциональных» актов геноцида?» Во всех без исключения случаях мне отвечали: «Шесть миллионов». Когда я подчёркивал, что вопрос относится ко всем людям без исключения, мои собеседники чаще всего страшно удивлялись. Лишь немногие могли правильно на него ответить, Шломо Занд, «Как и почему я перестал быть евреем».

## Главное последствие плена

Мы подошли к подведению главного итога Вавилонского плена. Он в рождении второй, помимо финикийцев, ветви Домината.

В Вавилоне в силу уникального стечения граничных условий плена родился экстерриториальный субъект экономики и социогенеза – корпорация Иврим. В её лице был создан сетевой этос, снимавший колоссальную сетевую ренту с рынка долга, финансов, внутренней и международной континентальной торговли, добавим сюда и криминальную ренту. Сетевая структура открыла корпорации доступ к потребительскому спросу всех пронизанных сетью социумов, что на долгое время превратило её пищевой ресурс в практически неограниченный.

Неопрокидываемые конкурентные преимущества обеспечили корпорации взыскание объёмов ренты, позволяющих отнести её к категории эксклюзивной, аналогичной той, которую взыскивали финикийские морские торговые капиталы – объект уважительного, как перед старшим братом, преклонения евреев в период их первого пребывания в Ханаане.

А доступ к эксклюзивной ренте и есть необходимое условие рождения Больших Капиталов, а с ними и Домината. Впервые событие случилось в Финикии примерно за пару столетий до конца II тысячелетия до н.э. и несколькими столетиями позже в Вавилоне, [Мировой кризис 23: краткая «теория» Больших Капиталов](#). Есть эксклюзивная рента – жди рождения Домината. Очень Большие Капиталы, накапливаясь с невероятной скоростью, устойчивее и быстрее прочих, начинают реализацию имманентного императива восхождения к вершине экономической власти, которая, как впоследствии оказалось, без особых затруднений конвертируется во власть политическую – вот вам и Доминат.

Что очень важно для восхождения во власть, в Вавилоне был создан не только универсальный механизм взыскания ренты, но что самое главное – надёжного сохранения Капитала во времени и пространстве. Создание корпорации Иврим позволило её экономической элите достичь мобильности, до той поры присущей исключительно морским капиталам – возможности перемены мест без особых на то издержек, умения легко встраиваться в ткань новых социумов пребывания. С одной стороны тому способствовала относительная лёгкость при наличии средств перемещений по сети корпорации. С другой стороны всасываемая с молоком матери богоизбранность и специализация в сфере свободных профессий воспитали в элите врождённый космополитизм – высокий уровень индифферентности в отношении социума пребывания. Все эти качества оказались недостижимы для любой иной континентальной олигархии, в том числе имперской, несмотря на её порой колоссальнейшие богатства. В отличие от них, элита корпорации минимизировала риски от возможных естественных обрушений социумов, которые случаются либо по окончании их жизненного цикла, либо инспирируются извне. В итоге корпорация добилась совершенно уникального качества: «Один император приходит, другой уходит, но евреи пребывают вовеки», мидраш Берешит Раба, 37.

## Анонс

На этом тему рождения двух ветвей Домината можно считать закрытой. Полагаю, что будет не безынтересно познакомиться с дальнейшими основными вехами эволюции Иудаизма, иудейского государства и корпорации Иврим, чему и будет посвящена следующая заметка.

Октябрь 2018

□